

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО

Зернов И. В., Карнишин В. Ю.

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ 2

Миронова Г. И., Васильев С. М.

О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ, ПРАВОСУДИИ И СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ 7

Мурзина Л. И., Писарев М. Д.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 14

Свечников Н. И., Щербакова С. А.

ПРОБЛЕМЫ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИКОВ
В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ 20

Тимошкина О. А., Акимушкин А. А., Вахрушев А. С.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОД, АТМОСФЕРЫ И МОРСКОЙ СРЕДЫ) 26

Фролов Д. В.

КАК ПРАВИЛЬНО КВАЛИФИЦИРОВАТЬ ДЕЙСТВИЯ
ОРГАНИЗАТОРОВ И УЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ
(ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ) В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ 31

Шоронов О. В., Коновалов А. Н.

ПОЛИГРАФ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ 40

Яшин А. В.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ 45

Яшин А. В., Яшин Н. А.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ 52

Капитонова Е. А.

ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ 58

ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО

УДК 343.3/.7

И. В. Зернов, В. Ю. Карнишин

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены правовые аспекты борьбы с терроризмом в Российской империи XIX – начала XX в. Проанализированы нормативно-правовые акты по борьбе с общественно-политическим террором различного уровня и рамок действия. Показана роль актов чрезвычайного нормотворчества в мобилизации правоохранительных органов для борьбы с массовым террором.

Ключевые слова: терроризм, закон, уголовное право, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное право, революционеры, преступники, агентура, чрезвычайное положение, военно-полевые суды.

В позднеимперской России в конце XIX – начале XX в. происходил рост массового террора, что являлось следствием нараставшего недовольства населения существующим государственным строем, достижения равноправия мужчин и женщин, самовыражения радикально настроенной молодежи, незавершенности решения крестьянского вопроса, дискриминации отдельных национальных групп [1, с. 59–60]. В течение последних лет изданы многочисленные исследования, рассматривающие проблемы борьбы с революционным терроризмом [2–9].

В 1878 г. произошли первые значимые случаи террора в Российской империи: покушение на товарища прокурора Киевского судебного округа М. М. Котляревского (23 февраля), покушение на адъютанта Киевского жандармского управления Г. Э. Гейкинга (24 мая), убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева (4 августа) [10, с. 4], после которых начинается формирование нормативно-правовой базы по борьбе с массовым террором социально-политического характера.

Исторически первым правовым актом, регулирующим систему борьбы с терроризмом в Российской империи, считается закон от 9 августа 1878 г. «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени» [11]. Интересна точка зрения Н. А. Троицкого, полагавшего, что «Закон 9 августа 1878 г. передавал в ведение военных судов не все дела о государственных преступлениях, а лишь те из них, которые были сопряжены с «вооруженным сопротивлением властям». Прочие же дела оставались подведомственными судебным палатам, если не объявлялось высочайшее повеление о разбирательстве того или иного из низов в ОППС. Но в условиях, когда борьба народников все сильнее разгоралась и нацеливалась против самодержавия (2 апреля 1879 г. А. К. Соловьев стрелял в царя), царизм цеплялся за чрезвычайные меры и продолжал военизировать судопроизводство» [12].

О продолжении государственной политики по борьбе с террором свидетельствуют также Высочайше утвержденные 1 сентября 1878 г. временные правила «Об особых мерах к ограждению общественного спокойствия», которые практически исключили прокурорский надзор за проведением дознаний. Согласно Правилам, «чины Корпуса жандармов получили право ареста всех подозреваемых в совершении государственных преступлений лиц, не испрашивая на это санкции прокурора, а только направляя чинам прокурорского надзора для сведения копии постановлений об арестованных. Получив такие сведения, чины прокурорского надзора никакого участия в распоряжениях по ним не принимали» [13, с. 215–216]. Однако действовали эти правила недолго, и 4 сентября 1881 г. были отменены [14].

Комплекс мер и процедур по реализации борьбы с терроризмом продолжает Положение Комитета министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утвержденное императором 14 августа 1881 г. [15]. При введении предусмотренных данным законом мер усиленной или чрезвычайной охраны вся полнота власти передавалась генерал-губернатору, который получал право запрещать собрания, закрывать торгово-промышленные заведения, подвергать любое лицо аресту до трех месяцев, штрафу, высылке.

Комментируя вышеизложенное положение, С. М. Лоскутов полагает, что в случае объявления местности в состоянии усиленной охраны генерал-губернаторы, по сути, получали право чрезвычайного нормотворчества: они могли издавать обязательные постановления и устанавливать за их нарушение взыскания, не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа размером 500 рублей [16, с. 47].

В июне 1892 г. был издан закон «О военном положении», который позволял вводить в случае необходимости режим военного положения в местностях, которые считались опасными в революционном отношении [17]. Статья 17 данного закона гласит о том, что гражданские лица в местностях, которые объявлены на военном положении, подлежат военному суду и наказанию по законам военного времени: «1) за бунт против Верховной власти и государственную измену; 2) за умышленный поджог или иное умышленное истребление либо приведение в негодность предметов воинского снаряжения и вооружения и вообще всего принадлежащего к средствам нападения или защиты, а также продовольственных запасов и фуража; 3) за умышленное истребление или важное повреждение в районе театра военных действий водопроводов, мостов, плотин, гатей, шлюзов, водоспусков, колодцев, дорог, бродов и иных средств, предназначенных для передвижения, переправы, судоходства, предупреждения наводнений или необходимых для снабжения водой; 4) за умышленное истребление служащих там же для правительственного пользования: а) телеграфного, телефонного или иного снаряда, употребляемого для передачи известий, и б) железнодорожного пути, передвижного состава одного или предостерегательных знаков, установленных для безопасности железнодорожного движения или судоходства; 5) за нападение на часового или военный караул, за вооруженное сопротивление военному караулу и чинам военной и гражданской полиции, а равно за убийство часового или чинов караула и полиции» [17, с. 481].

Особое внимание было обращено на необходимость усиления наблюдения за «неблагонадежным элементом» на местах. С этой целью в 1894 г. при Московском охранном отделении был создан Летучий отряд филеров во главе с Е. П. Медниковым. В инструкции филерам, разработанной начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым и руководителем Летучего отряда Е. Д. Медниковым, были детально регламентированы правила действий по осуществлению наблюдения [18].

Следует отдельно отметить деятельность института внутренней агентуры по борьбе с общественным террором, созданного в декабре 1882 г. в соответствии с «Положением об устройстве секретной полиции в Империи». Согласно данному положению, во главе

нового подразделения становился товарищ министра внутренних дел. На него возлагался высший надзор за розыскной деятельностью по делам о государственных преступлениях, который он должен был осуществлять через департамент государственной полиции. Для реализации этой деятельности на местах товарищ министра мог учреждать так называемые «особые розыскные отделения в составе жандармских управлений или в ведомстве общей полиции», куда командировались как чины корпусов жандармов, так и гражданские чиновники, которые причислялись к штату полиции. Непосредственное руководство полицией осуществлял назначаемый товарищем министра инспектор, действовавший на основании специальной инструкции, утвержденной в 1883 г. Согласно этой инструкции инспектор секретной полиции имел право: а) участвовать в розыскной деятельности по государственным преступлениям; б) вступать в непосредственное заведование местными агентствами; в) перемещать часть личного состава агентур из одной местности в другую; г) участвовать в решении вопроса об отпуске агентствам денежных средств; д) командировать на места в случае осложнения розыскных действий особо доверенных лиц; е) требовать, чтобы в течение известного времени без соглашения с ним не производили ни обысков, ни арестов, ни вообще гласных следственных действий [19, с. 16–17].

В июле 1906 г. вышел приказ по Отдельному корпусу жандармов [20], согласно которому чины жандармских полицейских управлений железных дорог были допущены к производству дознаний по всем делам политического характера, совершенным в полосе отчуждения железных дорог [13, с. 215].

В августе 1906 г. Николай II утвердил положение «Об учреждении военно-полевых судов» [21]. В соответствии с этим нормативно-правовым актом в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, генерал-губернаторы получали право предавать обвиняемого военно-полевому суду для осуждения по законам военного времени в тех случаях, когда «учинение лицом... преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Военно-полевой суд учреждался в указанном генерал-губернатором месте в составе председателя и четырех офицеров от войск или флота. Распоряжение о передаче дела в такой суд с указанием лица, предаваемого суду, и предмета предъявляемого обвинения должно было следовать безотлагательно за совершением определенного преступного деяния и по возможности в течение суток. Суд должен был немедленно приступить к разбору дела при закрытых дверях и окончить его рассмотрение в срок, не превышающий двух суток. Приговор такого суда не подлежал обжалованию и вступал в законную силу незамедлительно. Он должен был быть приведен в исполнение в срок, не превышающий суток с момента провозглашения [16, с. 49].

Таким образом, правовые аспекты борьбы с терроризмом в позднеимперской России конца XIX – начала XX в. представляют собой систему, затронувшую все ветви государственной власти того времени: законодательную, исполнительно-распорядительную, судебную. Выстрел Д. В. Каракозова в императора Александра II 4 апреля 1866 г. положил начало эпохе терроризма в Российской империи, продолжавшейся примерно полвека. Завершил список жертв террора премьер-министр П. А. Столыпин, который был смертельно ранен 1 сентября 1911 г. Наряду с совершенствованием нормативной базы и модернизацией органов полиции и политического сыска правительство широко применяло акты чрезвычайного правотворчества для борьбы с массовым террором общественно-политического характера. Примерами стали утверждение «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» и учреждение временных военно-полевых судов. Справедливо мнение С. М. Лоскутова: «Если смотреть на проблему более узко, с точки зрения качества организации и функционирования различных государственных органов, осуществлявших борьбу с террором, необходимо при-

знать, что они со своей задачей справились» [22, с. 146]. Правовые аспекты борьбы с общественно-политическим террором, введенные правительством, позволили не только понизить общий уровень терроризма, но и предупредить акты террористической направленности еще на подготовительной стадии.

Список литературы

1. Зернов, И. В. Террор в Российской империи конца XIX – начала XX века: проблема и пути преодоления / И. В. Зернов, В. Ю. Карнишин // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, философия, юридические науки, религиоведение, история, социология, общественные науки) : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2014.
2. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / сост. О. В. Будницкий. – Ростов Н/Д, 1996.
3. Пересудова, З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.) / З. И. Пересудова. – М., 2000.
4. Суворов, А. И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России / А. И. Суворов // Социс. – 2000. – № 12.
5. Шаламов, А. Ю. Развитие организационной структуры сыскной полиции Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. Ю. Шаламов // Вестник Московского университета. Серия «История». – 2001. – № 4.
6. Жаров, С. Н. Обеспечение законности оперативно-розыскных мероприятий в Российской империи / С. Н. Жаров // Правоведение. – 2001. – № 5.
7. Дудченко, Ю. Л. Организационно-правовые основы деятельности специальных служб России по борьбе с терроризмом (вторая половина XIX – начало XX века): историографический аспект / Ю. Л. Дудченко // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2(20).
8. Пиджаков, А. Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения / А. Ю. Пиджаков // Правоведение. – 2003. – № 3 (248).
9. Опилкин, А. С. Центральное районное охранное отделение в 1909 г.: достижения и проблемы / А. С. Опилкин // Слю 2012. Исторические документы и актуальные проблемы археологии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. тез. докл. участников конф. молодых ученых и специалистов РГАПСИ. – М., 2012.
10. Лоскутов, С. М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лоскутов С. М. – Москва, 2014.
11. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). – Собр. 1. – Т. 53, ч. 2. – № 58778. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
12. Троицкий, Н. А. Вторая революция в России. «Кризис верхов» / Н. А. Троицкий // Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. – М., 1978. – URL: http://scepisis.net/library/id_1624.html
13. Гугасари, Е. С. Роль уголовно-процессуального законодательства Российской империи в борьбе с терроризмом (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. С. Гугасари // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 6.
14. Указ Именной, данный Сенату 4 сентября 1881. Об отмене действия некоторых узаконений, изданных к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1, № 383. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
15. ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1, № 350. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
16. Лоскутов, С. М. Генерал-губернаторы и их полномочия по борьбе с террором в России в конце XIX – начале XX века / С. М. Лоскутов // История государства и права. – 2014. – № 2.
17. ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 12, № 8757. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
18. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917 / сост. Е. И. Щербакова. – М., 2006.
19. Лоскутов, С. М. Внутренняя агентура в борьбе с террором в Российской империи в конце XIX – начале XX века / С. М. Лоскутов // История государства и права. – 2014. – № 1.
20. Приказ по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 г. № 14528 // Приказы по Отдельному корпусу жандармов за 1906 г. – СПб., 1906.
21. ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 26, № 28252. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
22. Лоскутов, С. М. Правовые аспекты борьбы с террором в России во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лоскутов С. М. – М., 2014.

Зернов Илья Владимирович

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: serega.beglov@yandex.ru

Zernov Ilya Vladimirovich

student,
Penza State University

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Отечества,
государства и права,
Пензенский государственный университет
E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valery Yurievich

doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history of Russia,
state and law,
Penza State University

УДК 343.3/7

Зернов, И. В.

Борьба с терроризмом в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: историко-правовые аспекты внутренней политики / И. В. Зернов, В. Ю. Карнишин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 2–6.

Г. И. Миронова, С. М. Васильев

О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ, ПРАВОСУДИИ И СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ

Аннотация. В статье рассмотрена и проанализирована проблема разделения властей в России и западных государствах. Исследованы некоторые вопросы правосудия и судебного контроля как проявления судебной власти.

Ключевые слова: судебная власть, правовое государство, правосудие, принцип состязательности, судебный контроль.

Независимая судебная власть – это стержень правового государства. Основное назначение судебной власти – охрана членов общества от любого произвола, причем как от произвола других граждан, так и от неправильных действий самого государства, его органов и должностных лиц. Без осуществления подобной деятельности государство не может считаться правовым. Оно должно создавать «условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений» [1, с. 254].

Существование судебной власти наряду с законодательной и исполнительной является важным признаком демократического государства. Обособление судебной власти от иных государственно-властных структур свидетельствует о продвижении государства к реализации принципа верховенства права, закрепляемых в нем идей свободы и справедливости.

Понимание того, что концентрация власти в одних руках ведет к произволу, что разные направления государственной власти необходимо разделять, возникло давно. С определенной долей вероятности можно предположить, что оно появилось с возникновением самого государства. Научное обоснование идеи разделения властей, как известно, впервые дал Монтескье в 1748 г. в своем знаменитом сочинении «О духе законов». Его теория, по мнению ученых, занимавшихся проблемой рационального устройства государственной власти, в том числе судебной власти, имела изъяны, подвергалась критике с их стороны, но «огромная историческая заслуга Монтескье, впервые заговорившего о разделении государственных властей, стоит вне всяких сомнений», – справедливо признавал И. Я. Фойницкий [2, с. 146].

Выражая свою точку зрения на проблему, И. Я. Фойницкий писал: «В ряду обязанностей, на государственной власти лежащих, одно из самых важных мест занимает обязанность доставить правосудие населению. Эта функция, – продолжал он, – призывает к жизни судебную власть как ветвь власти государственной, дополняющую другие ее власти – власти законодательную и правительственную» [2, с. 145]. Потребность разделения власти судебной, исполнительной и законодательной диктуется необходимостью взаимного контроля и ограничения друг друга. «Государство само себя никогда не ограничит, какое бы оно ни было. Ограничить власть может только другая власть» [1, с. 255].

Сферы реализации трех ветвей власти подлежат четкому разделению. «Но и разделившись, – подчеркивал И. Я. Фойницкий, – каждая из них не становится силой, отдельной и совершенно независимой от других; напротив, все они исходят из общей воли государственной» [2, с. 147]. «Разделение властей, – читаем мы в учебнике «Правоохранительные органы», – следовало бы основывать прежде всего на их сотрудничестве, ко-

торое, однако, сдерживало бы каждую из них, ставило бы в определенные рамки и балансировало» [3, с. 44].

Одной из существенных особенностей любой власти, в том числе судебной, является возможность оказывать влияние, подчинять своей воле отдельных лиц и общество в целом. При этом такое воздействие осуществляется через систему специализированных государственных органов. Судебная власть оказывает влияние через судебные органы и судей как должностных лиц государства.

Словосочетание «судебная власть» встречается в большинстве современных конституций и нормативно-правовых актах зарубежных государств. Если даже взять, к примеру, своеобразную, нестандартную Конституцию Великобритании, которую часто называют неписаной, имея в виду, что она никогда не была «записана» в едином акте, то тем не менее станет очевидным, что вопросы судебной власти в ней не обделены вниманием. В части I гл. 4 «Акта о конституционной реформе 2005 г.» закреплен принцип господства права. В части II той же главы говорится о судебной власти и ее независимости: «Лорд-канцлер и другие министры Короны не должны пытаться оказывать влияние на вынесение судебных решений каким-либо способом. Лорд-канцлер должен заботиться об этой независимости».

В большинстве современных конституций государств Европы закрепление судебной власти предполагает не только формально-юридическое признание принципа разделения властей, но и законодательное признание самостоятельности, независимости и исключительности судебной деятельности в общем механизме реализации государственной власти. В конституциях имеются специальные разделы, в которых находят отражение конституционные основы судебной власти: определение судебной власти, основные принципы организации и деятельности судебной системы (принципы судостроительства, судопроизводства, правовой статус судей), судебные гарантии прав и законных интересов граждан (судебный контроль).

«Исходными постулатами концепции судебной власти как самостоятельной, автономной, отличной от других ветвей власти являются следующие положения, нередко прямо закрепленные в конституциях стран Европы. Во-первых, наделение властным характером не только отдельного суда, а всей судебной системы в целом. Во-вторых, нормативное признание и реальное воплощение принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную» [4, с. 193].

Например, в тексте ныне действующей конституции Франции 1958 г. судебной власти посвящен раздел VIII, который содержит всего три статьи. Статья 64 гласит, что «Президент Республики является гарантом независимости судебной власти. Ему помогает Высший совет магистратуры». Статья 65 посвящена судостроительству и судопроизводству. Статья 66 определяет судебную власть как «хранительницу личной свободы граждан». Принцип разделения властей закреплен в Конституционном законе от 3 июня 1958 г., в ст. 2 которого сказано: «Исполнительная власть и законодательная власть должны быть отделены друг от друга таким образом, чтобы Правительство и Парламент, каждый со своей стороны, несли ответственность перед Парламентом». «Судебная власть должна оставаться независимой с тем, чтобы обеспечивать соблюдение свобод, как они закреплены в Преамбуле Конституции 1946 года и в Декларации прав человека, к которой эта преамбула отсылает» (ст. 4).

Основной закон ФРГ от 23 мая 1949 г. провозгласил Германию правовым, федеративным, демократическим, республиканским и социальным государством (ст. 20, 28). Эти определения встречаются и в конституциях других зарубежных стран. Однако отличительной чертой Основного закона ФРГ, одного из первых в Европе, стало провозглашение концепции правового государства, которая носит более заверченный характер, чем в других странах [4, с. 103].

Конституционно-правовая доктрина ФРГ также акцентирует внимание на значении судебной власти в правовом государстве. Так, немецкий автор монографии о правосудии в Германии В. Хайде утверждает, что «в системе разделения властей правового государства на одной стороне находится правосудие, а на другой – противостоящие ему законодательная и исполнительная власть» [4, с. 193]. Хотя принцип разделения властей прямо не упоминается, но в ч. 2 ст. 20 Конституции отмечается, что государственная власть осуществляется «через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия». Правосудию посвящена отдельная глава, в которой сказано, что «судебная власть вверяется судьям» (ст. 92). «Судьи независимы и подчиняются только закону» (ст. 97).

«Разделение властей представляет собой гораздо больше, чем просто разделение государственных органов. Разделение властей должно сопровождаться системой сдержек и противовесов» [2, с. 147]. Еще Джеймс Медисон – главный «архитектор» Конституции США – говорил, что до тех пор, пока органы государственной власти «не будут переплетены и связаны до такой степени, чтобы предоставить каждому из органов контроль над другими, максимальный уровень разделения властей, как сущность свободного правительства, никогда на практике не сможет быть организован надлежащим образом» [5, с. 125].

Эти истины прекрасно понимали еще составители Устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г. В соответствии с ним и стремились строить отечественный уголовный процесс.

Безупречность научного фундамента Устава уголовного судопроизводства позволила весьма удачно сформулировать и обосновать реализацию принципа разделения властей при размежевании судебной власти, с одной стороны, с властью правительственной, а с другой – законодательной, а также правильно определить функции судебной власти, сущность принципа состязательности в судопроизводстве, сущность правосудия и судебного контроля как форм реализации судебной власти.

Судебная власть может проявляться во многом. Полномочия судов многогранны. Их осуществление и есть реализация судебной власти. Бесспорно, что среди этих полномочий доминирующую роль играет правосудие. Правосудие – важнейшее проявление судебной власти, но не единственное. В последнее время внимание ученых привлекает такое проявление судебной власти, как судебный контроль.

Правовая природа судебного контроля изначально исходит из общего закона разделения труда, который, отражаясь на государстве, вызывает разграничение государственных функций и создание для каждой из них особых, наиболее пригодных органов [2, с. 147]. В этом заложено начало принципа разделения властей. Все виды государственной власти направляются к общим целям, но каждая ветвь строится сообразно сферам ее воздействия. Различие сфер создает различие задач деятельности.

Являясь разновидностью судебной власти, имея в своей основе те же самые начала (разделение труда, разделение государственных властей, разделение процессуальных функций), судебный контроль призван создать надежные гарантии обеспечения прав и законных интересов личности, возвести заслон произволу со стороны органов уголовного преследования.

Судебному контролю посвящены труды многих ученых и практиков, исследовавших как общетеоретические, так и конкретные проблемы регламентации или практической реализации той или иной его формы. В этих трудах ставились вопросы о цели, задачах, функциях и формах реализации подобного контроля в уголовном процессе России, характере этой деятельности, ее соотношении с такими направлениями государственной деятельности, как «правосудие» и «прокурорский надзор», этапах уголовного судопроизводства, на которых возможна реализация полномочий органов судебной власти в форме судебного контроля; процессуальной форме его реализации и, наконец, вли-

янии данного процессуального порядка на достижение цели уголовного судопроизводства и решение его непосредственных задач [6, с. 121].

О том, что уголовному судопроизводству изначально и органично присущ контрольно-проверочный элемент, неоднократно отмечалось в юридической литературе [7, с. 13]. Отмечалось также и то, что роль контрольного элемента в процессуальной деятельности возрастает по мере движения уголовного процесса от стадии к стадии.

Обращалось внимание и на специфическую, сугубо контрольно-проверочную направленность стадии предания суду, которая в настоящее время имеет весьма неопределенное, не отражающее ее сущность название – стадия подготовки к судебному заседанию [8, с. 6; 9, с. 311].

В отличие от других стадий процесса, где судебный контроль является вспомогательным средством (одним из средств) для достижения более общей (основной) задачи процесса, стадия предания суду (подготовки к судебному заседанию) предусматривает, что судебный контроль является доминирующим средством решения конкретной процессуальной задачи, основным средством достижения поставленной цели. Такой контроль осуществляется за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокуратуры.

На стадии предания суду выполнялись задачи двоякого рода. Прежде всего суд обязан был надежно контролировать действия и решения органов предварительного расследования и прокуратуры, ограждая права личности и интересы общества от незаконного и необоснованного предания обвиняемого суду либо, наоборот, незаконного освобождения виновных от привлечения к уголовной ответственности. При этом суд должен был проверить качество предварительного расследования, включая достаточность доказательств для предания обвиняемого суду и рассмотрения дела по существу, правильность применения уголовного закона, соблюдение процессуальных форм, а также определить пределы судебного разбирательства. С другой стороны, на данной стадии процесса проверялось наличие условий для проведения судебного разбирательства, совершались необходимые для этого подготовительные действия.

Суд, решая вопрос о предании обвиняемого суду, имел реальную возможность влиять на необдуманные, незаконные и необоснованные действия и решения органов предварительного расследования и прокуратуры и был наделен с этой целью значительными полномочиями: вправе был возвратить уголовное дело прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могли быть устранены в ходе судебного разбирательства; имел право вернуть уголовное дело для дополнительного расследования в связи с его неполнотой, или в связи с необходимостью предъявлять более тяжкое обвинение или привлечь к уголовной ответственности по данному уголовному делу других лиц. Суд на этой стадии имел также право прекратить уголовное преследование в отношении обвиняемого [10, с. 290].

Устанавливая на стадии предания суду изложенные правила, законодатели (составители УУС) прекрасно сознавали, что они в определенной мере отступают от состязательного начала, требующего не возлагать на суд функцию уголовного преследования. Они делали это потому, что вполне обоснованно считали: без подобного рода отступлений невозможен эффективный судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений органов расследования и прокуратуры.

В настоящее время вопрос полномочий судьи на стадии предания суду (подготовки к судебному заседанию) приобрел особую актуальность. Стало очевидным, что составители Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) отказались от ряда позитивных отечественных и зарубежных традиций.

Известно, например, что все прежние отечественные УПК по традиции, восходящей еще к царскому УУС 1864 г., уголовно-процессуальную деятельность нацеливали на объ-

активное, полное и всестороннее исследование обстоятельств дела с тем, чтобы установить по делу истину. Составители УПК РФ исключили данный демократический принцип, посчитав его антагонистическим по отношению к состязательности. С этим нельзя согласиться. Станным образом был истолкован и реализован и сам принцип состязательности. Этот принцип закреплен в Конституции Российской Федерации: «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» (ст. 123). Предусмотрев названное принципиальное начало, Конституция РФ не раскрыла его содержание. Это задача отраслевого законодательства – УПК РФ. Чтобы решить ее, необходимо было учесть исторический опыт уголовно-процессуальной теории и определить, что есть состязательность в уголовном процессе.

Представляется, что состязательность в уголовном процессе предполагает, во-первых, правильное, рациональное разделение функций, прав, обязанностей и ответственности между судом, прокурором, органами расследования и всеми иными лицами, участвующими в производстве по делу; во-вторых, предоставление каждому имеющему процессуальный интерес в деле прав стороны перед судом; в-третьих, процессуальное равноправие перед судом спорящих сторон; в-четвертых, правильное руководство состязанием сторон, которое осуществляет независимый, объективный, беспристрастный суд, принимающий все предусмотренные законом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины.

Состязательность при наличии всех этих условий, позволяя вовлечь стороны в активный поиск истины вместе с судом, дает возможность и более надежно защитить права человека, вовлеченного в орбиту уголовного процесса.

Стремление создателей УПК РФ построить отечественный уголовный процесс на началах состязательности заслуживает безусловного одобрения. Данное начало способно служить надежным гарантом прав личности и общества в уголовном судопроизводстве, поднять престиж правосудия при правильном его понимании и разумной реализации в рамках системы всех других демократических принципов и гарантий процесса, при которой состязательность способна органически «вписаться» в эту систему и гармонизировать с этими принципами и гарантиями. Однако анализ содержания УПК РФ и практики его применения дает основание заключить, что принцип состязательности был реализован в нем неудачно. В России исторически сложился так называемый смешанный тип уголовного процесса, при котором состязательность и равноправие сторон не исключают активности суда в поиске истины.

Активность суда не следует отождествлять с обвинительным уклоном, противоречащим состязательности. Подлинная активность суда должна быть связана с реализацией требования объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, с поиском истины. Состязательность лишь инструмент судебного познания. Все зависит от того, в чьих руках находится этот инструмент, т.е. от судей, их воли, инициативы, активности. Одно дело, когда суд, стремясь к установлению истины, может не достичь поставленной цели. Потому и уголовный процесс строится таким образом, что каждая последующая его стадия является контрольной для предыдущей. Судебные ошибки неизбежны. И другое дело, когда суд не стремится к постижению истины, так как это не входит в его обязанности и цель такая перед ним не стоит, а значит, нет и ответственности за неустановление подлинных обстоятельств дела. Поэтому отказ от принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела с тем, чтобы установить на его основе истину, негативно отразился на многих основных институтах уголовного судопроизводства, в том числе на характере решений, принимаемых судом на стадии предания суду (подготовки к судебному заседанию).

Надо, однако, признать, что составителями УПК РФ было верно отмечено, что действия суда, принимающего решение о предании обвиняемого суду, так или иначе связа-

ны с обвинительной функцией, что не согласуется с принципом состязательности, с его теорией разделения процессуальных функций. Верным было и их стремление освободить суд, которому предстоит вершить правосудие по делу, от деятельности, несовместимой с функцией правосудия. Однако путь реализации правильной по сути идеи оказался, к сожалению, ложным. Вместо того, чтобы поручить контрольные функции над обвинительной деятельностью в стадии предания суду другому суду (судье), чему учит многолетний как отечественный, так и зарубежный опыт, законодатели усердно взялись урезать полномочия суда на этой стадии и создавать посредством различных ухищрений видимость освобождения его от акта предания суду. Вопросы, которые судья мог и должен был разрешать по поступившему к нему делу, и решения, которые он мог принимать, были сокращены до предела. В том числе не стало главного из них – о достаточности доказательств для предания суду и назначения судебного заседания, а также других, без которых его контроль фактически становится пустой формальностью. Суд не вправе сейчас возвратить уголовное дело для дополнительного расследования ввиду его неполноты не только по собственной инициативе, но и по ходатайству сторон. По сути, суд лишился реального права исправлять ошибки и злоупотребления органов уголовного преследования.

Таким образом, развитие стадии предания суду пошло по пути резкого свертывания контрольных полномочий суда над обвинительной деятельностью органов уголовного преследования, а тем самым урезания гарантий прав личности и общества. Суд лишился полномочий прекращать уголовное преследование обвиняемого по таким основаниям, как отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, а также непричастность обвиняемого к совершению преступления (ч. 1 ст. 239 УПК РФ). Теперь судья, даже если он убежден, что перед ним явно незаконно или необоснованно привлеченный в качестве обвиняемого человек ввиду наличия для этого любого из названных оснований, не вправе прекратить против него уголовное преследование по поступившему к нему от прокурора делу с обвинительным заключением или обвинительным актом. И это несмотря на то, что сказанное, по нашему мнению, находится в явном противоречии с Конституцией РФ, а также с принципиальными положениями ст. 6 УПК РФ.

Согласно Конституции РФ (ст. 2), «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» являются обязанностью государства, а значит, и всех его органов. В соответствии с этим п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ требует защищать личность «от незаконного и необоснованного обвинения». Суду при этом в правовом государстве, каковым Конституцией РФ провозглашена наша страна, должна принадлежать решающая роль.

Между тем суд на стадии предания суду, призванной служить гарантией прав обвиняемого от необоснованного признания его подсудимым, должен в приведенных выше случаях назначить судебное заседание, неизбежно признать обвиняемого подсудимым, который вынужден будет без законных на то оснований публично держать ответ перед судом. Причем делать это судья должен вопреки своему внутреннему убеждению и здравому смыслу. Назначение в подобных ситуациях судебного заседания будет не только напрасной потерей времени и средств, но и явно незаслуженным отягощением положения обвиняемого, причинением ему нравственных страданий. Могут повышаться при этом шансы осуждения невиновного.

Вследствие лишения суда права реально контролировать обвинителей, исправлять их ошибки и злоупотребления оказалось искаженным само целевое предназначение стадии, традиционно именовавшейся стадией предания суду: она фактически стала неопределенной, беспредметной. Не потому ли составители УПК РФ так и не смогли найти для нее подходящего названия, соответствующего ее содержанию?

Внесение многочисленных изменений в нормы УПК РФ, проблемы и тупики в практике его применения, вмешательство Конституционного суда РФ – все это подтверждает, что в основу концепции УПК РФ, по всей видимости, вкралась серьезная ошибка.

Налицо необходимость серьезной корректировки не только отдельных норм, но и самой концепции УПК РФ в целом.

Список литературы

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2003.
2. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб, 1996. – Т. 1.
3. Гуценко, К. Ф. Правоохранительные органы : учеб. для юридических вузов и факультетов / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев ; под ред. К. Ф. Гуценко. – М., 2004.
4. Конституционное право государств Европы : учеб. пособие для студентов юридических вузов и факультетов / отв. ред. Д. А. Ковачев. – М., 2005.
5. Миряшева, Е. В. Предпосылки принятия конституций штатов США / Е. В. Миряшева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. – 2012. – № 28.
6. Миронова, Г. И. Акт предания суду и его место в судебном контроле / Г. И. Миронова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. – 2012. – № 28.
7. Горбань, В. В. Функция судебного контроля как необходимое условие развития демократических основ / В. В. Горбань // Российская юстиция. – 2007. – №3.
8. Ковтун, Н. Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации / Н. Н. Ковтун, А. А. Юнусов. – Казань, 2005.
9. Колоколов, Н. А. О праве, суде и правосудии: избранное / Н. А. Колоколов. – М., 2006.
10. Куцова, Э. Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации / Э. Ф. Куцова // Ученые-юристы МГУ о современном праве. – М., 2005.

Миронова Галина Иосифовна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: Mironova1301@mail.ru

Mironova Galina Iosifovna

candidate of juridical sciences,
associate professor,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

Васильев Сергей Михайлович

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: Sergey-2.Vasilev@yandex.ru

Vasil'ev Sergey Mikhailovich

student,
Penza State University

УДК 343.1

Миронова, Г. И.

О судебной власти, правосудии и судебном контроле / Г. И. Миронова, С. М. Васильев // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 7–13.

Л. И. Мурзина, М. Д. Писарев

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме принятия Кодекса административного судопроизводства в России. Также уделено внимание современным проблемам регулирования административного процесса, раскрыты некоторые спорные процессуальные положения Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Ключевые слова: проект Кодекса административного судопроизводства РФ, административная юстиция, административное судопроизводство, судебная система, административный процесс, административно-процессуальное право, судебная защита прав и свобод.

Правосудие в силу своей специфики всегда осуществляется посредством судопроизводства в установленной законом процессуальной форме, а его желаемые результаты заранее определяются нормами права, указывающими на цели соответствующего вида процессуальной деятельности. Причем каждая процессуальная норма является установкой должного или возможного поведения, направленной на достижение определенного результата [1, с. 106].

Все нормы материального права реализуются с помощью норм процессуального права и имеют свою подсудность. Однако на протяжении всего существования России нормы административного права так и не обрели своей собственной юрисдикции. В истории этой отрасли права неоднократно принимались попытки создать административное судопроизводство, но в связи с многочисленными противоречиями, пробелами и отсутствием общей теории процессуального регулирования административного процесса в целом они не получали со стороны законодательных органов одобрения и направлялись на доработку.

В российской системе права отсутствует термин «административная юстиция», поэтому необходимо обратиться к зарубежному опыту.

Термин «административная юстиция» в различных зарубежных странах имеет разные модификации в зависимости от конкретной системы права. Так, в США административная юстиция представляет собой нормативный управленческий порядок последовательного осуществления уполномоченными субъектами права согласованных действий по реализации их компетенций, законодательных и иных правовых актов.

В других зарубежных странах, таких как Франция, Германия, Австралия, Польша, Великобритания, и странах Содружества Независимых Государств (СНГ), например на Украине, можно видеть также наличие специального субъекта административной юстиции, который существует на протяжении долгого времени.

Административные суды на Украине являются подсистемой судов общей юрисдикции и действуют на основе единого законодательства о судостроительстве [2, с. 38, 40, 41].

На международном уровне так же, как и на национальном, существует орган административного судопроизводства – Европейский суд по правам человека, который также рассматривает дела уголовного и гражданского характера. Его постановления являются обязательными для стран, в отношении которых они приняты, включая Россию.

В российской же модели правосудия отсутствуют специализированные органы административной юстиции, хотя шаги по их созданию были уже предприняты. Так, пер-

воначально проект Кодекса об административном судопроизводстве был внесен в Государственную думу РФ в 2003 г. Однако данный проект вызвал очень много замечаний и был отправлен на доработку.

Исправленный и доработанный проект Кодекса был вновь внесен в Государственную думу 29 декабря 2006 г., и вплоть до декабря 2012 г. он находился в работе, однако так и не был подготовлен к рассмотрению в Государственной думе.

В проекте Кодекса об административном судопроизводстве на тот момент отмечалось несколько существенных недостатков. Это прежде всего то, что административные суды рассматривались как часть системы судов общей юрисдикции (ч. 1 ст. 1 законопроекта 2006 г.) [2]. По нашему мнению, необходимо было бы закрепить создание в судах общей юрисдикции специализированных коллегий по административным делам.

Авторы законопроекта предлагали именовать федеральные органы исполнительной власти, иные государственные органы, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих административными ответчиками. При этом, согласно ч. 3 ст. 4 рассматриваемого законопроекта, формой обращения указанной группы субъектов в суд является заявление. Однако основная цель Кодекса административного судопроизводства – защита прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций от неправомерных решений, действий (бездействия) органов власти, т.е. административных ответчиков (ч. 1 ст. 1). Из данного положения следует то, что указанные выше органы и должностные лица не могут выступать в роли заявителей. В целом терминология, используемая разработчиками законопроекта 2006 г., вызвала ряд замечаний [3, с. 36].

В 2012 г. в своей предвыборной программе Председатель Правительства РФ и кандидат в президенты (ныне действующий Президент РФ) Владимир Путин пообещал создать в России административные суды. Он подчеркивал, что дух и смысл практики административного судопроизводства исходят из того, что гражданин уязвимее чиновника, с которым он спорит, и что бремя доказывания возлагается на административный орган, а не на человека [2].

На VIII Всероссийском съезде судей в декабре 2012 г. также решался вопрос о создании административных судов.

26 марта 2013 г. Президент РФ внес в Государственную думу РФ проект Кодекса административного судопроизводства, и в мае 2013 г. он был принят в первом чтении. Но и этот проект многие ученые стали критиковать, вплоть до того, что отрицалась сама необходимость разработки и принятия Кодекса административного судопроизводства [4, с. 42].

Более подробно мы попытаемся рассмотреть отдельные процессуальные положения проекта Кодекса административного судопроизводства.

Предметом правового регулирования законопроекта является порядок осуществления судопроизводства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в которых одна из сторон наделена властными полномочиями по отношению к другой стороне: это оспаривание нормативных правовых актов, действий (бездействия) государственных и муниципальных органов и должностных лиц и т.п.

В настоящее время производство по таким делам регулируется нормами Гражданско-процессуального кодекса РФ (ГПК РФ). Однако ГПК РФ устанавливает судебную процедуру рассмотрения дел, возникающих из правоотношений, в которых субъекты приобретают права и обязанности по своей воле и в своих интересах и фактически равноправны. А в административных и иных публичных правоотношениях отсутствует как таковое равенство их субъектов, в связи с чем требуются иная методология и иной процессуальный закон по рассмотрению и разрешению дел, возникающих из таких правоотношений.

Проектом устанавливаются новые возможности для граждан Российской Федерации, других физических лиц и организаций для судебной защиты своих прав и законных интересов [5, с. 25, 26].

Мы согласны с мнением Н. А. Громошина о том, что важнейшим положением проекта Кодекса является то, что он вводит единое административное судопроизводство для рассмотрения дел по заявлениям граждан и юридических лиц об оспаривании решений, действий (бездействия) государственных органов, должностных лиц, других дел, возникающих из публичных правоотношений, и для определенных категорий дел об административных правонарушениях граждан, должностных лиц, юридических лиц, ответственность за которые предусмотрена Кодексом об административных правонарушениях РФ [6, с. 47].

Кодекс для России выступает как регулятор административного судопроизводства, закрепленного в качестве самостоятельного вида в Конституции РФ (ч. 2 ст. 118). Его суть отвечает международным стандартам деятельности судов – наличие в любом демократическом государстве специального порядка рассмотрения споров между гражданами и органами власти на условиях преференций гражданину как более слабой стороне.

Согласно проекту, граждане вправе обратиться с коллективным административным иском в суд в защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов группы лиц. Основанием для такого обращения должно быть наличие таких условий, как многочисленность группы лиц или неопределенность числа ее членов, затрудняющие разрешение требований потенциальных членов группы в индивидуальном порядке и в порядке совместной подачи искового заявления (соучастия); однородность предмета спора и оснований для предъявления членами группы соответствующих требований; наличие общего административного ответчика (ответчиков); использование всеми членами группы одинакового способа защиты своих прав.

К такому исковому заявлению должно присоединиться не менее 20 лиц. В коллективном административном исковом заявлении должно быть указано лицо или несколько лиц, которым поручено ведение соответствующего административного дела в интересах группы лиц. Очевидно, что коллективные обращения усиливают возможности административных истцов [5].

В отличие от ГПК РФ, в проекте Кодекса прямо предусмотрено право Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации наряду с прокурором обратиться в суд с административным иском в признании незаконными решений, действий (бездействия) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, в защиту прав, свобод и законных интересов иных лиц [7, с. 100, 102].

В проекте предусмотрена возможность разрешения гражданских исков о возмещении вреда (в том числе о компенсации морального вреда) при разрешении административного дела, что должно способствовать более оперативной и полной защите прав граждан. Тем самым также будет уменьшаться возможность задержек в принятии судом к своему рассмотрению заявлений граждан из-за споров о том, подлежат ли обращения рассмотрению по правилам административного или гражданского судопроизводства.

При этом обращает на себя внимание различие между формулировкой ч. 3 ст. 247 ГПК РФ, согласно которой в случае, если при подаче заявления в суд будет установлено, что имеет место спор о праве, подведомственный суду судья оставляет заявление без движения и разъясняет заявителю необходимость оформления искового заявления, и предлагаемой нормой ст. 130 проекта Кодекса, в соответствии с которой суд отказывает в принятии административного искового заявления в случае, если оно не подлежит рассмотрению и разрешению судом в порядке административного судопроизводства, поскольку это заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке, в том

числе судом в порядке гражданского судопроизводства или арбитражным судом в порядке, предусмотренном арбитражным процессуальным законодательством.

Представляется, что более правильным было бы предусмотреть обязанность суда принять как гражданский, так и административный иск к своему рассмотрению с последующим предложением заявителю уточнить предмет иска [8, с. 40].

В проекте Кодекса конкретизированы и установлены дополнительные полномочия суда при принятии итоговых решений по ключевым категориям административных дел – дел об оспаривании нормативных правовых актов, а также об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями.

Предусмотрено, что в случае удовлетворения соответствующего административного искового заявления об оспаривании решения, действия (бездействия) суд в том числе указывает на необходимость принятия решения по конкретному вопросу, совершения определенного действия либо на необходимость устранения иным способом допущенных нарушений прав, свобод и законных интересов административного истца, а также устанавливает срок устранения таких нарушений. Между тем в действующей ст. 258 ГПК РФ указано лишь, что суд, признав заявление обоснованным, принимает решение об обязанности соответствующего органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего устранить в полном объеме допущенное нарушение прав и свобод гражданина или препятствие к осуществлению гражданином его прав и свобод [9, с. 3].

Проектом Кодекса впервые предусматривается, что в случае, если в связи с признанием судом нормативного правового акта недействующим полностью или в части выявлена недостаточная правовая урегулированность административных и иных публичных правоотношений, которая может повлечь за собой нарушение прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, суд вправе возложить на орган государственной власти, орган местного самоуправления, иной орган, уполномоченную организацию, должностное лицо, принявшие оспариваемый нормативный правовой акт, обязанность принять новый нормативный правовой акт, заменяющий акт, признанный недействующим полностью или в части [7].

В проекте Кодекса административного судопроизводства приведена подробная регламентация всего судебного процесса. В ряде случаев присутствует фактическое повторение общих положений других процессуальных законов вместо использования отсылочных норм.

Проект детализирует общие принципы правосудия, реализуемые в любом из видов судопроизводства (независимость судей при осуществлении правосудия, равенство всех перед законом и судом, законность при рассмотрении дел, открытость судебного разбирательства, состязательность и равноправие сторон и др.), и указывает на особенности реализации ряда принципов при осуществлении административного судопроизводства [5].

Проект предусматривает обязательное участие представителя в административных делах о принудительной госпитализации в психиатрический стационар, о принудительном психиатрическом освидетельствовании. При этом впервые закрепляется то, что во всех случаях для представительства в суде по административному делу лицу необходимо иметь высшее юридическое образование [10, с. 26].

В новом Кодексе предусмотрена возможность использования электронного документооборота. В частности, закреплены права лиц, участвующих в деле, на направление, представление и получение электронных документов [5].

Необходимо обратить внимание на аспекты, которые следует доработать в проекте Кодекса. В соответствии с правилами, закрепленными в этом Кодексе, судом будут рассматриваться любые дела, разрешаемые в порядке административного судопроизводства [11].

Однако на практике это не так. Предметом регулирования предложенного проекта Кодекса является порядок рассмотрения судами общей юрисдикции отдельной категории дел, которые в настоящее время рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства.

Другие категории дел, рассматриваемые и разрешаемые в порядке административного судопроизводства, в настоящее время разбираются арбитражными судами, судами общей юрисдикции (и другими судебными органами), причем не по правилам, закрепленным в Кодексе административного судопроизводства, а по правилам Арбитражного процессуального кодекса, Кодекса об административных правонарушениях и т.д. Иными словами, проект Кодекса в случае его принятия будет регулировать не общий порядок рассмотрения и разрешения судами административных дел, а лишь некую его разновидность.

Статьей 5 проекта Кодекса предусмотрено, что при рассмотрении административных дел суд может одновременно разрешить гражданский иск о возмещении вреда, в том числе иск о компенсации морального вреда. Это важное положение направлено, по всей видимости, на реализацию принципа процессуальной экономии, более быстрое и справедливое получение искомого результата пострадавшими лицами, полное восстановление их в нарушенных правах [2]. Административный истец в данном случае, как правило, будет являться также и гражданским истцом.

В арбитражных судах России административные дела занимают 70 %. По мнению бывшего Председателя Высшего арбитражного суда РФ В. Ф. Яковлева, это вызывает перегрузку судов и не позволяет в полной мере выполнять их основную задачу по рассмотрению экономических споров [2].

Противоречия и конфликты в процессе становления и развития судебной системы являются неизбежными. Для их преодоления необходимо более глубоко и основательно познавать специфику выполняемых задач и сферы взаимодействия институтов гражданского общества и судебной власти, определения социального назначения и роли институтов гражданского общества в механизме правового регулирования в целом [12, с. 39].

Кодекс об административном судопроизводстве РФ представляется чрезвычайно важным документом для специалистов различных сфер правового знания, поскольку им регулируется порядок разрешения споров, входящих в предмет регулирования конституционного, административного, налогового, предпринимательского и отчасти уголовно-исполнительного права. Кодексом затрагиваются конфликтные ситуации на гражданской службе, в ходе проведения выборов и публичных мероприятий, конституционная свобода личности [13, с. 40]. По нему будут разрешаться дела о выведении из правовой системы нормативных правовых актов, не соответствующих закону, признаваться неправомерными действия и решения органов власти в отношении граждан. Через процедуры, урегулированные этим Кодексом, возможно влияние и на содержание материального права. Поэтому проект Кодекса об административном судопроизводстве РФ требует самого широкого общественного обсуждения.

Список литературы

1. Жилин, Г. А. К вопросу о целях административного судопроизводства в свете законодательных новаций / Г. А. Жилин // Закон. – 2013. – № 6.
2. Загривко, Д. С. Некоторые особенности осуществления административного судопроизводства в современной России / Д. С. Загривко // Российский судья. – 2013. – № 12.
3. Павлова, М. С. Кодекс административного судопроизводства: тенденции и перспективы развития в России / М. С. Павлова // Российская юстиция. – 2013. – № 11.
4. Громошина, Н. А. К вопросу об объединении высших судов и Кодексе административного судопроизводства / Н. А. Громошина // Российская юстиция. – 2014. – № 1.

5. Пшеницын, О. Кодекс для административного судопроизводства / О. Пшеницын // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 14.
6. Громошина, Н. А. Кодекс административного судопроизводства: оценка перспектив / Н. А. Громошина // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 3.
7. Тарасов, О. Новый проект Кодекса административного судопроизводства: особенности и значение для административной юстиции в России / О. Тарасов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 4 (95).
8. Клейн, Н. И. Сравнительный анализ норм ГПК РФ и АПК РФ о производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных отношений / Н. И. Клейн // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 3.
9. Фоков, А. П. Современные проблемы административной юстиции в России: административные суды – «за» и «против» / А. П. Фоков // Российский судья. – 2012. – № 2.
10. Панова, И. В. Административное судопроизводство или административный суд? / И. В. Панова // Административное право и процесс. – 2013. – № 5.
11. Скобликов, П. А. В процессе различных процессов / П. А. Скобликов // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 40.
12. Фомин, А. А. Взаимодействие гражданского общества и судебной власти в современной России: философско-правовой аспект / А. А. Фомин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4.
13. Васильева, С. В. Каким быть Кодексу об административном судопроизводстве Российской Федерации? / С. В. Васильева // Российская юстиция. – 2013. – № 7.

Мурзина Лариса Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: JaneMurzik@yandex.ru

Murzina Larisa Ivanovna

candidate of juridical sciences,
associate professor,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

Писарев Максим Дмитриевич

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: Mant1korr@yandex.ru

Pisarev Maksim Dmitrievich

student,
Penza State University

УДК 342.951

Мурзина, Л. И.

Проблемы реформирования административного законодательства / Л. И. Мурзина, М. Д. Писарев // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 14–19.

Н. И. Свечников, С. А. Щербакова

ПРОБЛЕМЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИКОВ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье приведены результаты анализа проблемных вопросов, связанных с употреблением и распространением наркотиков и их популярностью в подростковой среде. Разработан ряд предложений, направленных на повышение эффективности противодействия наркопреступности.

Ключевые слова: наркопреступность, наркомания, распространение наркотиков, психоактивные вещества, наркоконтроль, экспресс-тесты, штраф, конфискация имущества.

Все прекрасно понимают, что дети – наше будущее. И, действительно, нельзя не согласиться с тем, что построение суверенного, социального и экономически развитого государства невозможно без воспитания физически и нравственно здорового молодого поколения. В Конституции РФ закреплено, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» [1, п. 1, ст. 38; 2, с. 54; 3, с. 5]. Это одна из его важнейших обязанностей. Несмотря на это, начиная с 90-х гг. прошлого века в российском обществе обозначилась весьма серьезная проблема, угрожающая его благополучию, стабильному и успешному развитию нашего Отечества – проблема детской и подростковой наркомании.

Если в 1988 г. на 42 тысячи населения одного из районов муниципального образования г. Пенза «приходилось» два наркозависимых совершеннолетних гражданина, то уже к 1993 г. – около 20 человек.

И уже в 1993 г. было создано специальное подразделение в МВД для борьбы с незаконным распространением наркотиков – ОБНОН.

По данным Минздрава и статистики, на сегодняшний день в России около 6 млн наркозависимых, при этом официально зарегистрировано только 500 тысяч. Среди них достаточно большое количество лиц несовершеннолетнего возраста [4]. Самым печальным является то, что большинство из них составляют лица в возрасте от 15 до 17 лет, т.е. в основном старшеклассники, учащиеся профессиональных училищ, колледжей и других учебных заведений. Общая картина приблизительно такова: 20 % наркозависимых – это школьники, 60 % – молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет и еще 20 % – это люди старше 30 лет. При этом средний возраст начинающих принимать наркотические вещества составляет 15–17 лет.

На сегодняшний день исследователи отмечают наметившуюся тенденцию к снижению роста заболевающих наркоманией, поскольку в 2011 г. наркомания впервые диагностирована у 21,9 тысяч человек, в 2012 – у 19,8 тысяч. В основном это лица в возрасте от 18 до 39 лет – 87 %. Установлено, что лица (граждане и не граждане), употребляющие наркотики, совершают не менее 10 % общеуголовных преступлений от общего числа преступлений [5, с. 16].

Между тем вызывает озабоченность растущая популярность наркотиков в студенческой среде. Из официальной статистики: каждый десятый российский студент пробовал наркотики, почти 10 % студентов употребляют наркотики регулярно.

Анализ публикаций материалов исследований позволяет сделать предположение о том, что значимыми негативными факторами «популярности» наркотиков являются:

- отношение к употреблению наркотиков как к одному из модных занятий;
- неустойчивость подростковой психики, желание скорее стать взрослым, подменяемое, прежде всего, наличием вредных привычек;

- выпадение из просоциальных групп социализации [6, с. 45];
- общение с представителями так называемых «плохих компаний»;
- участие в криминальных или делинквентных группах;
- участие в группе, ведущей деятельностью которой является употребление наркотиков [7, с. 78];
- отсутствие здоровой занятости в личное время и чрезмерная занятость родителей, порождающая невнимание к своим детям и социальное неблагополучие семьи;
- стремительное развитие сети «Интернет» и излишне свободный к ней доступ со стороны подростков (особенно детей в возрасте до 14 лет) и т.п.

В подтверждение данных слов приводим выдержку из доклада начальника отдела межведомственного взаимодействия в сфере профилактики наркомании Управления наркоконтроля России по Пензенской области подполковника полиции Ирины Осетровой: «Оперативная обстановка в Пензенской области характеризуется подавляющим преобладанием в незаконном обороте так называемых дизайнерских наркотиков. Только за последний год количество изъятий новых синтетических наркотических средств в Пензенской области возросло с 4 кг до 30 кг, и, как следствие, рост на 20 % лиц, зависящих от "спайсов", поставленных на профилактический учет. Одновременно токсикологической службой фиксируется рост отравлений от дизайнерских наркотиков. Количество пострадавших от "дури" за восемь месяцев 2014 г. составило 264 человека, против 167 – за аналогичный период 2013 г. В 36 раз увеличилось число составленных управлением наркоконтроля административных протоколов по фактам потребления "спайсов" и "скорости"¹ с 21 до 225. Выросло и количество задержанных несовершеннолетних потребителей наркотиков, что связано с доступностью приобретения наркотических средств через глобальную сеть – Интернет. Поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы не просто уменьшить количество наркопотребителей, а еще и прекратить втягивание в наркооборот подростков и молодежи» [8, с. 1].

По данным Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (УФСКН) по Пензенской области, в 2014 г. на учете состоит 83 несовершеннолетних, это в 2 раза больше, чем в 2013 г. Почти в 3 раза увеличилось и количество преступлений, совершенных подростками-наркоманами: с 8 случаев в 2013 г. до 30 в 2014 г.

Отдельно следует сказать о том, что определение наличия наркозависимости возможно и в «домашних условиях» с помощью экспресс-тестов «Quick Stripes» («быстрые полоски»), доступных к приобретению в обычных аптеках за небольшую плату. Эта система для тестирования представляет собой бумажную полоску, на которую наклеено нечто вроде промокашки, которая пропитана в определенных местах несколькими химическими и белковыми составами. Раствор наркотика (например, моча наркомана) поднимается вверх по полоске и вступает в серию последовательных реакций с упомянутыми составами. В результате появляется окрашивание в том месте, где происходит заключительная реакция. Надо заметить, что реакции являются не только химическими, но и иммунологическими, т.е. происходят между антителами и антигенами, имеющимися в составе препарата, – а такие реакции очень чувствительны. Например, в моче экспресс-тест улавливает следы наркотиков-опиатов в срок до пяти суток после однократного приема.

Однако, несмотря на удобство использования данного средства, одним из его недостатков является низкая осведомленность граждан о существовании данных экспресс-тестов, что можно исправить их рекламированием в СМИ или доведением этой информации до родителей учителями и правоохранительными органами.

¹ Скорость – стимулирующее наркотическое вещество, сильно подавляющее аппетит, нарушающее сон и развивающее потребность в большем количестве наркотика. Употребление подобного средства приводит к физическим и умственным проблемам, выраженным присутствием постоянного чувства угнетения, апатии, подавленности и мании преследования.

Кроме этого, данные тесты способны выявить только один тип наркотиков, как правило общеизвестный и широко распространенный [9], что является самым большим их недостатком, поскольку употребление так называемых «спайсов» и курительных смесей в большинстве случаев эти тесты не показывают.

По данным Государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Областная наркологическая больница» Пензенской области, с диагнозом «отравление "спайсом" и "скоростью"» поступило в 2013 г. 6 человек в возрасте до 14 лет и 37 человек в возрасте 15–17 лет, а за девять месяцев 2014 г. – 4 человека в возрасте до 14 лет и 14 человек в возрасте 15–17 лет. Из тех же источников известно, что наметился рост числа лиц в возрасте 15–17 лет, стоящих на профилактическом учете, и возросло число лиц с диагнозом «наркомания»¹. Анализ материалов ежегодных мониторингов позволяет познакомиться с динамикой рассматриваемого заболевания (табл. 1).

Таблица 1

Заболевание	Возраст	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Состоящие на профилактическом учете	до 14	0	1	2
	15–17	9	54	75
Диагноз «наркомания»	до 14	0	0	0
	15–17	0	7	10

В настоящее время проблема борьбы с наркотиками в подростковой среде достаточно широко обозначена международным сообществом. 26 июня является международным днем борьбы с наркоманией, в связи с чем проводятся различные профилактические мероприятия, в том числе и среди молодежи.

Справедливо отметить широкую и эффективную деятельность в этом направлении Общественных советов, создаваемых при УФСКН по Пензенской области, и других субъектов.

Так, исходя из сложившейся ситуации, 17 сентября 2014 г. «...в целях профилактики наркомании в молодежной среде и недопущения втягивания детей и подростков в наркооборот на заседании [Общественного совета] было решено создать при Общественном совете УФСКН России по Пензенской области волонтерскую организацию, которая бы смогла активно включиться в процесс профилактики и по принципу "равный равному" донести до молодежи информацию о вреде наркотических средств» [8, с. 2].

Следует отметить реальную целесообразность данного предложения, поскольку в большинстве своем подростки отличаются замкнутостью и недоверием к взрослым, воспринимая их мысли как нравоучения. Для них положительным будет пример сверстников с активной жизненной позицией, пример того, что быть взрослым – это прежде всего ответственно относиться к себе и своему здоровью, понимать, что завтрашний день без наркотиков гораздо счастливее, чем с ними, в противном случае для некоторых, возможно, он так и не наступит.

Интересными и имеющими практическое значение являются результаты исследований взаимодействия подростка-наркомана с различными группами: друзьями, одноклассниками, родителями, приятелями-наркоманами. От всех социальных групп больные подростки ожидают помощи. Получить помощь семьи предполагали 75 % опрошенных, одноклассников – 67 %, друзей – 91 %, приятелей-наркоманов – 92 %. Таким образом, отвержение в опыте больных чаще всего наблюдается со стороны родителей и просоциальных классных групп [10, с. 44]. Вышеизложенное обязывает усилить

¹ Диагноз «наркомания» ставится, как правило, лицам, состоящим на профилактическом учете 5 лет и более.

работу всех государственных и общественных организаций с родителями подростков, больных наркоманией, а точнее – наладить должное взаимодействие между ними [11].

Представляются целесообразными и эффективными проведение форумов, посвященных данной проблеме, организация встреч с лицами, страдавшими ранее зависимостью от наркотиков, демонстрация фото- и видеоклипов, показывающих негативное воздействие наркотических веществ на организм человека, печальные последствия их применения. Проведение подобных мероприятий позволит подросткам увидеть глубину данной проблемы, сформирует у них действительно негативное отношение к ней.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что в последнее время отношение к запрещенным к употреблению веществам в среде подростков перестало быть исключительно негативным. Участились случаи рождения детей с признаками наркотической зависимости, полученными от наркозависимых родителей. Школа – «обитель мудрости и знаний» – перестала быть для детей абсолютно безопасным местом. Не секрет, что именно здесь участились случаи не только склонения к употреблению наркотиков, но и их распространения.

При этом и сама продажа наркотических средств с каждым годом приобретает все более сложный, изощренный характер, прежде всего через сеть «Интернет». И в качестве одного из путей решения данной проблемы считаем необходимым привести следующий пример-предложение.

Так, в Постановлении Законодательного собрания Пензенской области от 14.02.2014 № 329-15/5 ЗС «Об обращении депутатов Законодательного собрания Пензенской области к председателю Государственного антинаркотического комитета, директору Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В. П. Иванову» говорится следующее: «В этой связи полагаем необходимым осуществлять блокировку указанных интернет-сайтов не по их сетевому адресу (IP-адресу), а по стандартизированному способу записи адреса ресурса в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" (URL-адресу). В случае отсутствия технической возможности у провайдера – оператора связи заблокировать интернет-ресурс по URL-адресу возложить на него обязанность отслеживать изменение IP-адреса запрещенного ресурса и заблокировать его по сетевому адресу.

Кроме того, считаем, что в Единый реестр запрещенных ресурсов наряду с ресурсами, содержащими на своих страницах признаки детской порнографии, признаки пропаганды наркотических средств, признаки призыва к самоубийству, необходимо включать и интернет-ресурсы, обеспечивающие доступ к указанной выше информации, минуя фильтры блокировки» [12].

Уточняя проблематику исследуемого вопроса, следует упомянуть и об одном существенном законодательном несовершенстве.

Так, в Федеральный закон РФ от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» были внесены изменения, касающиеся раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ путем тестирования учащихся на наркотики [13, ст. 219]. Однако главный недостаток данного нововведения, по нашему мнению, заключается в добровольности этой процедуры, поскольку фактическая возможность установления реального уровня потребления наркотических средств и психотропных веществ среди учащихся приобрела призрачный и латентный характер.

Исследования показывают возможность расширения видов наказания и его ужесточения. В связи с тем, что наркопреступность носит корыстный характер, законодательно необходимо при формулировании санкций использовать и такие виды наказания, как штраф, кратный стоимости изъятого наркотического вещества, и конфискация имущества.

На законодательном уровне целесообразно решить проблему, связанную с невозможностью участия понятых либо должным обеспечением их безопасности. Представляется возможным предусмотреть в законе удостоверение факта и обстоятельств изъятия вещественных доказательств не менее чем двумя сотрудниками правоохранительных органов без присутствия понятых, но с использованием соответствующих средств фиксации (следует отметить, что в ряде государств институт понятых в таких процессах вообще отсутствует).

Острейшей проблемой остается законодательное определение сущности запрещенных веществ, развиваемой массовым распространением психоактивных веществ (ПАВ). Подтверждением тому являются результаты исследований И. И. Батыршина и В. В. Тихомировой, установивших тот факт, что «относительная легкость получения новых видов производных от известных наркотических средств, промышленные масштабы их производства и постоянные научные изыскания новых химических формул ПАВ породили ситуацию, при которой правоохранительная система Российской Федерации фактически не успевает реагировать на мгновенное обновление структуры рынка наркотиков. Практика работы органов ФСКН России показала, что от момента запрета одних видов наркотиков до момента появления на рынке новых видов, еще не включенных в Перечень, проходит всего около одного месяца. Обстановка складывается критическая, так как появление новых видов синтетических наркотиков увеличивает уровень вовлечения в незаконный оборот молодежи и несовершеннолетних, что, в свою очередь, подрывает демографическую ситуацию страны в целом» [14, с. 61].

Анализируя изложенное, можно сделать следующий вывод. Распространение наркотиков среди молодежи, и особенно в школьной подростковой среде, приобрело по настоящему пугающий характер из-за массового распространения ПАВ.

Вместе с тем еще раз следует отметить, что воспитание здорового молодого поколения – это стратегическая задача не только нашего государства, но и всего международного сообщества в целом. Не секрет, что употребление наркотиков и связанный с ним образ жизни могут привести к заражению неизлечимыми заболеваниями, такими как ВИЧ, СПИД, т.е. к проблеме выживания всего человечества. Именно поэтому необходимо искать более эффективные способы решения этой проблемы и прежде всего на законодательном уровне – путем принятия новых и дальнейшего совершенствования уже принятых федеральных законов, соответствующих нормативных правовых актов субъектов РФ, реализации различных государственных программ, расширения мер профилактики, строительства спортивных школ и стадионов, привлечения подростков к занятиям физкультурой, развития психологической поддержки и эффективной медицинской помощи несовершеннолетним.

Подводя итог, еще раз следует отметить, что здоровое молодое поколение – это залог стабильного будущего России, гарант ее успешного процветания.

Список литературы

1. Конституция РФ. Государственный флаг РФ. Государственный герб РФ. Государственный гимн РФ. – М., 2009.
2. Банникова, И. Г. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: содержание и историческая ретроспектива / И. Г. Банникова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2.
3. Макеева, Н. В. Приоритеты уголовной политики Российской Федерации на современном этапе / Н. В. Макеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3.
4. Федеральная служба государственной статистики. Заболеваемость детей психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ. – URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rustatistics/population/motherhood#>

5. Измайлов, В. В. Побуждение к избавлению от наркопотребления: анализ перспектив нормативно-правового регулирования / В. В. Измайлов // Антинаркотическая безопасность. – 2014. – № 1 (2).
6. Криминологи о неформальных молодежных объединениях / под ред. И. И. Карпец. – М., 2007.
7. Личко, А. Е. Подростковая психиатрия / А. Е. Личко. – М., 2002.
8. Общественный совет. Новости. В УФСКН России по Пензенской области прошло заседание Общественного совета. – URL: <http://58.fskn.gov.ru/sovet/index.asp>
9. Белогуров, С. Популярно о наркотиках и наркоманиях / С. Белогуров. – URL: http://58.fskn.gov.ru/books/belogurov.htm#head_11
10. Гульдман, В. В. Подросток-наркоман и его окружение / В. В. Гульдман, О. Л. Романова, О. К. Сидоренко // Вопросы психологии. – 1993. – № 2.
11. Романовская, О. В. Семья в системе оказания медико-социальной помощи по планированию и генетическому консультированию / О. В. Романовская, О. В. Безрукова // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 2 (6).
12. Постановление Законодательного собрания Пензенской области от 14.02.2014 № 329-15/5-ЗС «Об обращении депутатов Законодательного собрания Пензенской области к председателю Государственного антинаркотического комитета, директору Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В. П. Иванову» // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>
13. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 25.11.2013, с изм. от 04.06.2014) «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изм. и доп., вступившими в силу с 25.05.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – 12 янв. – № 2. – Ст. 219.
14. Батыршин, И. И. Временное ограничение на оборот новых видов синтетических наркотиков как мера противодействия незаконному обороту психоактивных веществ / И. И. Батыршин, В. В. Тихомирова // Юридический мир. – 2013. – № 12.

Свечников Николай Иванович

кандидат технических наук,
кандидат юридических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой правоохранительной
деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: nikols1558@yandex.ru

Svechnikov Nikolay Ivanovich

candidate of technical sciences,
candidate of juridical sciences, associate professor,
acting head of sub-department of law enforcement,
Penza State University

Щербакова Светлана Александровна

студентка,
Пензенский государственный университет
E-mail: Sherbakova02@rambler.ru

Shcherbakova Svetlana Aleksandrovna

student,
Penza State University

УДК 343.85

Свечников, Н. И.

Проблемы, обусловленные распространением наркотиков в подростковой среде / Н. И. Свечников, С. А. Щербакова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 20–25.

О. А. Тимошкина, А. А. Акимушкин, А. С. Вахрушев

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОД, АТМОСФЕРЫ И МОРСКОЙ СРЕДЫ)

Аннотация. В статье изучены вопросы детерминации экологической преступности. Все элементы механизма формирования экологических преступлений рассмотрены во взаимодействии с особенностями личности преступника и внешней среды. По итогам исследования предложены некоторые меры, направленные на предупреждение экологической преступности.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, экологическая преступность, загрязнение вод, загрязнение атмосферы, загрязнение морской среды, предупреждение преступности.

Повышенное внимание к экологической проблеме в нашей стране обусловлено тем, что безответственное и потребительское отношение к природе поставило не только Россию, но и весь мир на грань экологической катастрофы. Поэтому проблема загрязнения природной среды в настоящее время рассматривается в качестве одной из важнейших экономических, социальных, технических, нравственных проблем.

Природа находится в состоянии, близком к критическому, и ее неблагополучие отражается на условиях жизни и здоровье людей: растет число тяжелых заболеваний, сокращается продолжительность жизни граждан, увеличивается смертность людей, что способствует гибели целых наций. А поскольку, как указывается в специальной литературе, «жизнь и здоровье всегда являлись и являются важнейшими ценностями каждого человека и гражданина» [1, с. 51], то совершение экологических преступлений наносит серьезный вред указанным ценностям.

Вырождение окружающей природной среды – это лишь одна сторона проявления экологического кризиса. Он связан со многими причинами, в том числе и с неспособностью правоохранительных органов обеспечить защиту окружающей среды и эффективно воздействовать на экологическую преступность. Экологические преступления весьма опасны, но при этом высоколатентны. Несмотря на очевидный фактический рост таких преступлений, очень мало уголовных дел (практически единицы) доходят до суда.

По мнению А. В. Захарова, «вторая половина XX – начало XXI в. характеризуется ухудшением экологического состояния планеты и озабоченностью всей мировой общественности дальнейшим развитием и существованием человека» [2, с. 45].

Тем не менее в последние годы меры, направленные на противодействие экологической преступности, являются малоэффективными. Несмотря на то, что учеными разрабатываются различные мероприятия по воздействию на экологическую преступность, что отражается в их работах (статьях, монографиях и т.д.), состояние предупредительной работы в этой области неудовлетворительно.

В криминологической литературе отражено, что «экологическая преступность – это совокупность экологических преступлений, нарушающих природоохранительное законодательство и причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека» [3, с. 578].

Представляется, что для изучения данного вида преступности необходимо в первую очередь разобраться в механизме экологического преступного поведения, т.е. в том, как развивается такое отдельное преступление.

Любая преступность, в том числе и экологическая, складывается из отдельных преступных деяний. Механизм формирования этих деяний представляет собой классиче-

скую четырехзвенную систему, состоящую из мотивации преступного деяния, планирования и принятия решения о совершении преступления, исполнения решения и постпреступного поведения. Причем, как пишет А. В. Яшин, «данная система находится в неразрывной связи с особенностями внешней среды и характеристиками личности правонарушителя» [4, с. 85], а также «в механизме формирования и совершения преступлений большое значение имеет статус жертвы» [5, с. 126].

Практически то же самое отмечает и В. А. Щербаков: «Под механизмом конкретного преступления в самом общем виде следует понимать идеальную модель взаимодействия личности и внешней среды, результатом которого стало совершение преступления» [6, с. 26].

Следует заметить, что здесь приведена схема формирования умышленного преступления. И хотя много экологических преступлений совершается по неосторожности, число умышленных преступлений рассматриваемой категории тоже велико. Это можно доказать на примере механизма формирования экологических преступлений, связанных с загрязнением вод, атмосферы и морской среды, т.е. общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 250, 251 и 252 УК РФ.

Отметим, что уголовно-правовому исследованию данных преступлений посвящены работы многих авторов.

Так, Н. В. Качина пишет, что «в настоящее время загрязнение вод превратилось в глобальную проблему. И в этой связи уголовное право призвано играть важную роль в противодействии преступному загрязнению поверхностных и подземных вод» [7, с. 64]. Причем, по мнению А. С. Самойлова, «к средствам и орудиям преступного загрязнения вод можно отнести очистные, водопроводящие, водоспускные, водозаборные и гидротехнические сооружения» [8, с. 566].

Е. Ю. Бокуц указывает, что «одна из причин такой редкой применяемости на практике нормы уголовного закона, устанавливающей уголовную ответственность за загрязнение атмосферы, – несовершенство уголовного и природоохранного законодательства» [9, с. 28].

В. П. Кашепов отмечает, что «не получила должного развития тенденция к отражению и восприятию уголовно-правовых стандартов по охране природы, не в полном объеме реализована ответственность за совершение ряда экологических преступлений, например, загрязнение морской и воздушной среды» [10, с. 25].

Тем не менее определенный интерес представляют вопросы формирования и совершения таких преступлений с криминологической точки зрения.

Прежде чем говорить о таком элементе механизма формирования преступления, как мотивация преступного деяния, следует сказать несколько слов о причинном комплексе таких преступлений.

Причины экологических преступлений можно разделить на следующие категории:

– экономические (нерациональное природопользование, «погоня» за прибылью, постоянное увеличение материальных потребностей, рост научно-технического прогресса, ненадлежащая организованность производственных процессов и т.п.);

– политические (лоббирование интересов крупных промышленных компаний, сращивание олигархов с властными структурами, коррупция и т.п.);

– социальные и нравственные (нравственная деградация и низкая экологическая культура индивидуальных предпринимателей и руководителей предприятий, правовой нигилизм, российский менталитет, заключающийся в расхлябанности и разгильдяйстве по отношению к окружающей среде и т.п.);

– правовые (несовершенство экологического и уголовного законодательств, малоэффективное воздействие на преступную деятельность средствами надзора и контроля, бездеятельность правоохранительных органов, определенные проблемы в правоприменительной деятельности и т.п.).

При совершении умышленных экологических преступлений, связанных с загрязнением вод, атмосферы и морской среды, превалируют корыстные мотивы, которые обусловлены пренебрежительным отношением к общественным интересам, игнорированием экологического законодательства, эгоизмом, самодурством и т.п.

Предприятия, которые экологически вредно воздействуют на окружающую природную среду (воды, атмосферу и т.п.), как правило, в своей работе требуют возрастающих затрат природопользователей на охрану этой среды. Данные затраты всегда довольно значительны и обременительны для большинства собственников. Поэтому на этих предприятиях все более широкое распространение получает преступная экономия на очистных сооружениях или экологически чистых производствах. Указанная экономия служит средством обогащения индивидуальных предпринимателей и должностных лиц предприятий. Поэтому в данном случае у лиц, которые могут повлиять на экологическую обстановку, возникает корыстный мотив – обогатиться любой ценой, невзирая на серьезные последствия. Таким образом, развивается мотивация совершения экологического преступления.

Следует заметить, что в соответствии с уголовным законодательством РФ субъектом любого преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста привлечения к уголовной ответственности. Тем не менее в юридической литературе встречаются мнения о необходимости законодательной регламентации юридического лица как субъекта преступления.

Например, Л. А. Музыка пишет, что «в Российской Федерации вопрос о признании юридических лиц субъектами преступления достаточно активно начал обсуждаться начиная с 1991 года» [11, с. 2]. Однако на законодательном уровне данное предложение до сих пор не реализовано, поэтому, говоря о субъектах экологических преступлений, следует иметь в виду индивидуальных предпринимателей и руководителей предприятий (юридических лиц).

Таким образом, после того, как сформировался преступный мотив, индивидуальный предприниматель либо руководитель юридического лица начинает планировать свою будущую деятельность, причем на данном этапе возможно планирование и постпреступного поведения. Лицо стремится совершить свое преступное деяние таким образом, чтобы по возможности избежать уголовной ответственности или, по крайней мере, ее смягчить. Многие предприниматели и руководители предприятий прекрасно знают о несовершенстве законодательства об ответственности за экологические преступления и правонарушения. Поэтому лицо, пользуясь пробелами в законодательстве, может оформлять различные документы, якобы подтверждающие правомерность его деяния. Делается вид, что все меры предосторожности были приняты, но в силу каких-либо причин вредные вещества все же были выпущены в реки, моря или атмосферу. Причем в крупных городах предприятий, отравляющих природную среду, довольно много. Поэтому каждый индивидуальный предприниматель или руководитель юридического лица стремится доказать, что причиной преступных последствий явилось не его предприятие, а другие.

Спланировав свою преступную деятельность, лицо начинает запускать свое производство, производить продукцию, загрязняя при этом природную среду, т.е. совершать преступные действия.

Далее в механизме преступного поведения, как отмечает А. В. Яшин, «после этапа исполнения решения о совершении преступления начинается этап постпреступного поведения» [12, с. 110].

Как свидетельствует следственная и судебная практика, на этом этапе индивидуальные лица и руководители предприятий стараются скрыть следы преступления, убедить правоохранительные органы в том, что преступные последствия наступили не по их вине. Нередко им это удается, в данном случае велика вероятность, что указанные лица будут систематически совершать такие преступления.

Зачастую индивидуальные предприниматели и руководители предприятий вступают в преступный сговор с представителями контролирующих и правоохранительных органов, чтобы избежать ответственности за свои деяния, что уже является проявлением элементов коррупции.

По мнению Ю. В. Чуфаровского, для лиц, совершающих экологические преступления по неосторожности, характерны «легкомыслие, безответственность, чувство вседозволенности и бесконтрольности, а порой и откровенное разгильдяйство» [13, с. 120].

Если рассмотреть механизм формирования неосторожного экологического преступления, связанного с загрязнением вод, атмосферы и морской среды, то можно сказать, что первых двух элементов – мотивации и планирования преступления – в этом механизме нет. Ошибка субъекта преступления и начало механизма преступного поведения осуществляются при выполнении юридически правомерного деяния.

В данном случае в причинном комплексе таких преступлений преобладают указанные выше нравственная деградация и низкая экологическая культура индивидуальных предпринимателей и руководителей предприятий, правовой нигилизм, российский менталитет, заключающийся в расхлябанности и разгильдяйстве по отношению к окружающей среде.

После этапа совершения преступления в механизме неосторожного преступного поведения также следует этап постпреступного поведения. На этом этапе поведение лица, совершившего преступление, мало чем отличается от поведения лица, совершившего умышленное преступление. Отличие заключается лишь в том, что в случае неосторожных преступлений постпреступное поведение планируется сразу же после их совершения. В данном случае это происходит стихийно, порой необдуманно, что приводит к совершению новых преступлений.

В заключение хотелось бы обозначить комплекс мер, направленных на предупреждение экологической преступности, связанной с загрязнением вод, атмосферы и морской среды. К этим мерам можно отнести:

- совершенствование экологического и уголовного законодательства;
- создание эффективного механизма защиты природной среды, заключающегося в разработке единой концепции экономических и правовых мер и способов их реализации;
- координацию деятельности правоохранительных и контролирующих органов;
- усиление роли общественности в профилактике таких преступлений;
- становление и развитие эколого-образовательного процесса.

Кроме этого, следует привлекать к уголовной ответственности лиц, преступно воздействующих на органы дознания, следователей, прокуроров и иных участников уголовного судопроизводства в целях прекращения уголовных дел об экологических преступлениях. Данное обстоятельство является весьма актуальным, и в юридической литературе справедливо отражается, что «участники уголовного судопроизводства в последние годы все чаще подвергаются преступным воздействиям» [14, с. 156].

В этой связи прежде всего необходимо осуществлять индивидуальную профилактику по таким преступлениям. Но для этого нужны кардинальные изменения в политической и экономической сферах государства, в области законотворчества. Как отмечал И. И. Карпец, «нужно определить круг преступных деяний, составляющих суть экологической преступности, меры наказания для преступников, которые, будучи, как правило, респектабельными личностями, в конечном итоге, опаснее обычных уголовников» [15, с. 345].

Список литературы

1. Банникова, И. Г. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь: содержание и историческая ретроспектива / И. Г. Банникова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 51–55.

2. Захаров, А. В. Роль права в предупреждении и устранении современных глобальных экологических вызовов человечеству / А. В. Захаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2010. – № 3. – С. 45–51.
3. Криминология : учеб. для вузов / под ред. А. И. Долговой. – М. : НОРМА, 2001. – 578 с.
4. Яшин, А. В. К вопросу о преступном поведении и его механизме / А. В. Яшин // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 1. – С. 84–85.
5. Яшин, А. В. Типология жертв преступлений – участников уголовного судопроизводства / А. В. Яшин // Современное право. – 2011. – № 6. – С. 126–128.
6. Щербаков, В. А. Некоторые аспекты системного подхода к изучению механизма индивидуального преступного поведения / В. А. Щербаков // Российский следователь. – 2003. – № 3. – С. 25–28.
7. Качина, Н. В. Загрязнение вод (статья 250 УК РФ): проблемы правоприменения и пути правового решения / Н. В. Качина // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2012. – № 8. – С. 64–68.
8. Самойлов, А. С. О признаках состава преступления, предусмотренного ст. 250 УК РФ / А. С. Самойлов // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимодействие : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2004. – С. 562–566.
9. Бокуц, Е. Ю. Понятие «загрязнение воздуха», используемое в диспозиции ст. 251 УК РФ / Е. Ю. Бокуц // Законность. – 2011. – № 12. – С. 28–32.
10. Кашепов, В. П. Квалификация преступных посягательств на безопасность окружающей среды / В. П. Кашепов // Журнал российского права. – 2013. – № 9. – С. 24–30.
11. Музыка, Л. А. К вопросу об ответственности юридического лица / Л. А. Музыка // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 4. – URL: <http://esj.pnzgu.ru>
12. Яшин, А. В. Роль знаний о постпреступном поведении в практике предупреждения преступлений / А. В. Яшин // Современные проблемы науки и образования. – 2006. – № 1. – С. 110.
13. Чуфаровский, Ю. В. Криминология в вопросах и ответах : учеб. пособие / Ю. В. Чуфаровский. – М. : Проспект, 2004. – 120 с.
14. Яшин, А. В. История развития законодательства об уголовной ответственности за преступления против участников уголовного судопроизводства / А. В. Яшин // Современное право. – 2011. – № 9. – С. 156–158.
15. Карпец, И. И. Преступность: иллюзии и реальность / И. И. Карпец. – М. : Рос. право, 1992. – 432 с.

Тимошкина Олеся Альбертовна

доцент,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: pd.pgu@yandex.ru

Timoshkina Olesya Al'bertovna

associate professor,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

Акимушкин Андрей Александрович

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: akimushkin92@mail.ru

Akimushkin Andrey Aleksandrovich

student,
Penza State University

Вахрушев Алексей Сергеевич

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: alex-101@list.ru

Vakhrushev Aleksey Sergeevich

student,
Penza State University

УДК 343.97

Тимошкина, О. А.

Механизм формирования экологического преступления (на примере загрязнения вод, атмосферы и морской среды) / О. А. Тимошкина, А. А. Акимушкин, А. С. Вахрушев // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 26–30.

Д. В. Фролов

КАК ПРАВИЛЬНО КВАЛИФИЦИРОВАТЬ ДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАТОРОВ И УЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ (ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ) В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Аннотация. В статье представлен анализ нормативной базы и научной литературы, связанной с привлечением и квалификацией действий организаторов и участников преступных сообществ в сфере незаконного оборота наркотиков. Дан разбор ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации. Выделены признаки преступного сообщества и основные проблемы привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассмотрены действия, которые образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 Уголовного кодекса. Выявлены основные проблемы преступных действий организаторов и участников преступных сообществ. Рассмотрены точки зрения авторов на проблемы квалификации организации преступного сообщества. Сделан вывод о том, что российское законодательство в части квалификации действий организаторов и участников преступных сообществ (преступных организаций) имеет ряд пробелов. Приведены предложения о том, какие меры необходимо предпринять в части привлечения участников преступных сообществ к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступное сообщество, незаконный оборот наркотиков, сплоченность преступного сообщества (преступной организации), организованная преступная группа.

Последние годы в России отмечены увеличением числа наркозависимых лиц. Под влиянием всё возрастающего спроса на наркотики развивается и наркопреступность, формируется целая сеть, главная задача которой – обеспечение постоянного движения наркотиков к потребителям. Резонно предположить, что развивается и организованная наркопреступность, возникают новые организованные преступные группы, которые объединяются в преступные сообщества. Органам наркоконтроля России удастся выявить и ликвидировать лишь незначительную их часть. Причем уголовное преследование в отношении лиц, обвиняемых органами предварительного расследования в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), часто прекращается на стадии судебного разбирательства.

Анализ нормативной базы, а также научной литературы по данной тематике позволил установить, что основными проблемами привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 УК России являются: недостаточно четкое определение понятия «преступное сообщество», отсутствие единого подхода к тому, что составляет объективную сторону указанного преступления, невозможность четко разграничить понятия «организованная преступная группа» и «преступное сообщество».

На практике применение ст. 210 УК России встречает серьезные трудности, которые специалисты ВНИИ МВД России ранжируют следующим образом:

- сложность и низкая эффективность правовой процедуры доказывания наличия состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК России;
- неопределенность правовых признаков преступного сообщества (преступной организации), закрепленных в ст. 210 УК России;
- специфика деятельности организованных групп и преступных сообществ (конспирация, противодействие правоохранным органам, криминальный профессио-

нализм, наличие коррумпированных связей и т.д.), существенно затрудняющая борьбу с ними;

- отсутствие у оперативных подразделений по борьбе с организованной преступностью соответствующих материальных, технических и иных средств для адекватного реагирования на данный вид преступной деятельности;

- недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников оперативных подразделений по борьбе с организованной преступностью;

- незначительное число преступных сообществ (преступных организаций), отвечающих признакам, указанным в ст. 210 УК России.

Изучение уголовных дел свидетельствует о том, что одной из наиболее распространенных ошибок на стадии предварительного расследования преступлений данной категории является отсутствие в материалах уголовных дел сведений, которые бы свидетельствовали о сплоченности организованной группы. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении следователи не описывают признаки организованной группы, по которым действия виновных квалифицированы как создание преступного сообщества (преступной организации) и участие в нем.

Как показывает практика, затруднения в уголовно-правовой оценке признаков преступления, предусмотренного ст. 210 УК России, испытывают не только следователи, но и сотрудники оперативных подразделений. Следственный комитет при МВД России неоднократно отмечал, что незначительное количество уголовных дел, находящихся в производстве следователей органов внутренних дел, об организации преступных сообществ (преступных организаций) обусловлено прежде всего недостаточным количеством поступающих в органы предварительного следствия из оперативных служб материалов, содержащих признаки данного преступления. В основном уголовные дела по ст. 210 УК России возбуждаются следователями как выявленные в ходе расследования многоэпизодных уголовных дел дополнительные преступления [1].

Многие авторы предлагали свои варианты решения указанных проблем. 10 июня 2008 г. Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» изложил свои выводы по данной тематике, указав, в частности, что под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать структурно оформленную преступную группу, которая, помимо присущих организованной группе признаков (ч. 3 ст. 35 УК России), характеризуется сплоченностью и создана для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданное в тех же целях. В качестве организаторов (руководителей) преступного сообщества (преступной организации) и входящих в него структурных подразделений может выступать одно или несколько лиц [2].

Ранее в определении от 29.09.2006 № 31-006-18 Верховный суд РФ указывал, что преступное сообщество отличается иерархическое организационное построение, сплоченность на конкретной преступной платформе, отработанная система конспирации и защиты от правоохранительных органов, коррумпированность, масштабность преступной деятельности, использование связи с органами власти, вливание в легальный бизнес [3].

Многие правоведы выделяют и иные признаки преступного сообщества. П. Агапов пишет, что важнейшими (уголовно-правовыми и криминологическими) признаками преступного сообщества являются: сложная (многоуровневая) структура преступного формирования; наличие в рамках криминального образования структурных подразделений (бригад, звеньев, блоков и т.д.); руководство преступным формированием сильным, авторитарным лидером; разделение функций управления сообществом и участия в конкретных преступлениях; устойчивость преступной структуры и сплоченность ее участни-

ков, достигаемая посредством иерархии подчинения, строжайшей дисциплины, единых и жестких правил взаимоотношений и поведения с санкциями за нарушение неписаного «устава» сообщества, круговой поруки, разработки специальных мер защиты и конспирации и т.д.; установление контактов с должностными лицами государственных и муниципальных, в том числе правоохранительных, органов (коррупционные связи); стремление в максимальной степени обезопасить криминальное формирование от разоблачения и ликвидации, придать противоправной деятельности внешне легальный характер [4].

Следует отметить, что больше всего проблем по уголовным делам данной категории возникает с доказыванием признака сплоченности преступного сообщества. Обратимся вновь к разъяснениям Верховного суда РФ.

Под признаком сплоченности преступного сообщества (преступной организации) следует понимать наличие у руководителей (организаторов) и участников этого сообщества (организации) единого умысла на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также осознания ими общих целей функционирования такого преступного сообщества и своей принадлежности к нему.

Сплоченность может также характеризоваться особой структурой сообщества (например, руководитель, совет руководителей, исполнители отдельных заданий), наличием руководящего состава, распределением функций между его участниками. О сплоченности сообщества свидетельствуют планирование преступной деятельности на длительный период, подкуп и другие коррупционные действия, направленные на нейтрализацию представителей правоохранительных и иных государственных органов [2].

По мнению Л. Д. Гаухмана и С. С. Максимова, сплоченность – это оценочный признак, который характеризуется круговой порукой, конспирацией, общей кассой, наличием специальных технических средств и т.д. Т. В. Шутемова апеллирует при понимании сплоченности к внутреннему состоянию изучаемого объекта (организованной группы, банды, преступного сообщества и др.), а устойчивость трактуется ею как отражение внешней стороны деятельности этого объекта как единого целого. Т. Д. Устинова соотносит сплоченность с наличием тесной связи между всеми участниками, при которой наиболее тщательным образом распределены все обязанности не только между всеми членами, но и отдельными группами, составляющими такое сообщество. В. М. Быков характеризует сплоченность как психологическое свойство преступного сообщества (преступной организации): стабильность ее личного состава; ограничения, связанные с появлением в группе новых членов и выходом из нее старых; постоянное совершение новых преступлений именно в составе тех же лиц; общая ценностно-нормативная ориентация; признание всеми его членами обязательными для себя общих правил поведения и строгой дисциплины, постоянная взаимная помощь и поддержка. Н. П. Водько полагает, что в связи с недостаточной определенностью и размытостью понятий устойчивости и сплоченности эти термины не могут исполнить роль оценочных признаков [1].

Теперь поговорим о том, что составляет объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 210 УК России. Здесь также немало порой полярных точек зрения.

По мнению В. М. Быкова, конкретными действиями, которые образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК России, являются:

- подбор лиц для участия в преступной деятельности сообщества (организации);
- определение и перераспределение функций и ролей в нем;
- назначение руководителей структурных подразделений, лиц, выполняющих наиболее важные функции в сообществе («смотрящих», «держателей общака» и др.);
- разработка планов преступной деятельности;
- определение и разработка принципов распределения доходов между членами сообщества [5].

Организаторская функция руководителя, организатора преступного сообщества, обычно состоит из таких действий:

- выбор объекта преступного воздействия;
- принятие решения о времени, месте, участниках преступления;
- подготовка преступлений, распределение ролей, обеспечение материально-технической базы (транспорт, связь, оружие и т.д.);
- разработка способов совершения и сокрытия преступления;
- консультирование о возможных объектах преступлений, способах их совершения и сокрытия, об орудиях преступления, о возможных преступных уловках и т.д.;
- обеспечение безопасности членов преступного сообщества (преступной организации);
- распределение преступных доходов, указания об отчислении денег в общую кассу, о поддержке членов сообщества, отбывающих наказание.

Информационная функция руководителя преступного сообщества (преступной организации) может выполняться следующими действиями:

- сбор сведений о внутренней жизни самого сообщества (настроения, замыслы, отношения между членами);
- установление и поддержание связей в государственных и правоохранительных органах и получение от них нужной информации (создание «блоков защиты», подкуп должностных лиц и т.д.).

Стратегическая функция руководителя включает обычно выполнение таких действий:

- разработка планов преступного сообщества;
- определение направлений использования преступного дохода, способов отмывания денежных средств, полученных преступным путем, возможностей их вложения в законный бизнес, в банки и фонды;
- организация подготовки новых кадров для преступного сообщества, внедрения своих членов в государственные структуры, в правоохранительные органы.

Нормативно-ценностная функция руководителя преступного сообщества (преступной организации) может включать:

- определение норм поведения членов сообщества;
- установление запретов, формирование единства взглядов членов сообщества.

Дисциплинарная функция выражается в разрешении конфликтов между членами сообщества, определении наказания тем, кто нарушает правила поведения, принятые в нем.

Создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений может состоять из следующих действий:

- заключение соглашений о создании объединения с организаторами, руководителями организованных групп;
- установление связи руководителей организованных групп между собой;
- определение руководителя объединения;
- достижение соглашений между руководителями организованных групп о сферах влияния, подконтрольных территориях, об оказании взаимной помощи и т.д.;
- проведение «разборок» для разрешения споров между руководителями и организаторами различных преступных групп;
- организация и проведение воровских сходок с целью обсуждения планов совместных действий, определения способов отмывания денег и решения других спорных вопросов.

Спорным является вопрос о том, что составляет интеллектуальную часть умысла руководителя или участника преступного сообщества.

М. И. Ковалев считает: «Развернутую законодательную характеристику ответственности преступной организации следует признать удовлетворительной. Однако она нуждается в некотором уточнении. Речь идет о словах "если они охватывались его умыслом". Такая формулировка ограничивает возможность привлечения к ответственности главарей преступного сообщества умыслом на конкретные преступления. Но преступные сообщества бывают столь мощными и разветвленными, а их руководство – многоступенчатым и строго иерархичным, что высшие руководители (главари) могут и не знать об отдельных преступлениях, совершенных в рамках деятельности сообщества и в его интересах. По моему мнению, указанные лица должны отвечать и за такие преступления. Поэтому слова "если они охватывались его умыслом" было бы целесообразно заменить на "если они были совершены в интересах сообщества и соответствовали его целям". В этом случае главные действующие лица преступной группы не смогут уйти от ответственности за все преступления, совершенные в интересах руководимой ими преступной организации» [6].

П. Агапов высказывает противоположную точку зрения. Он считает, что сложное содержание умысла организатора и руководителя преступного сообщества предполагает его субъективную связь с другими участниками криминального объединения. Эта связь заключается во взаимной осведомленности организатора (руководителя) и других участников сообщества о совместном осуществлении преступной деятельности. При этом организатор (руководитель) должен осознавать, что выполняет в этой деятельности центральную, системообразующую роль. Вместе с тем для квалификации по ст. 210 УК России не обязательно устанавливать непосредственные контакты организатора (руководителя) и рядовых участников сообщества: они могут и не знать друг друга лично [7].

В научной литературе встречается неоправданно широкая трактовка участия в преступном сообществе (преступной организации). Существует, например, мнение, что участник преступной организации может не только не участвовать в совершаемых ею преступлениях, но даже не знать об обстоятельствах их совершения. Тем самым для квалификации действий лица как участие в преступной организации достаточно установить, что оно занимает определенное место в ее структуре и связано с ней выполнением конкретной функции. Причем выполняемая таким лицом функция (например, аналитическая, техническая, бухгалтерская, информационная) может вообще не содержать в себе признаков объективной стороны какого-либо преступления. Достаточно, чтобы эта функция осуществлялась им в интересах преступной организации и была направлена на поддержание ее организационного единства и эффективной деятельности.

Представляется, что позиция сторонников возможности непроступного участия в преступном сообществе противоречит установленному законом основанию уголовной ответственности, положениям института соучастия в преступлении и создает опасность объективного вменения. На наш взгляд, участие лица в преступном сообществе может выражаться только в таких деяниях, которые:

- предусмотрены в качестве конкретного преступления (преступлений) Особенной частью УК России;
- являются соучастием в конкретном преступлении (преступлениях);
- представляют собой приготовление или покушение на конкретное преступление (преступления).

По поводу содержания признака «структурное подразделение преступного сообщества» в теории уголовного права существуют две основные позиции. Согласно первой трактовке такое подразделение можно отождествлять с организованной группой, что указывает на исключительно криминальный характер возложенных на соответствующее подразделение функций. Иное понимание допускает не только противоправную, но и правомерную деятельность структурного подразделения преступного сообщества.

В частности, предпринята попытка обосновать, что структурное подразделение – территориально или (и) функционально обособленная группа участников преступного сообщества – может специализироваться на выполнении всех или части его функций, в том числе и тех, которые сами по себе, в отрыве от преступной деятельности сообщества, состава преступления не образуют. Первая из обозначенных позиций представляется нам более предпочтительной, поскольку деятельность структурного подразделения было бы неправильно рассматривать отдельно от деятельности преступного сообщества в целом, успех функционирования которого как раз и заключается в том, что объединенные усилия его «составных частей» позволяют достигать общей преступной цели и, что самое главное, достигать ее преступными средствами.

Участие в преступном сообществе должно признаваться оконченным преступлением, когда лицо не просто даст согласие на вступление в него (участвовать в преступлениях, выполнять отдельные поручения), а обязательно подкрепит это конкретной практической деятельностью, выполнит любые действия, вытекающие из факта принадлежности к преступному сообществу.

В тех случаях, когда активные действия лица, направленные на создание преступного сообщества (преступной организации) либо объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, в силу их пресечения правоохранительными органами либо по другим не зависящим от этого лица (лиц) обстоятельствам не привели к возникновению преступного сообщества (преступной организации) или соответствующего объединения, они подлежат квалификации как покушение на создание преступного сообщества (преступной организации) либо объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп.

Лица, умышленно оказавшие разовое содействие преступной организации, но не входившие в ее состав (например, предоставившие кредит, продавшие оружие, передавшие информацию о деятельности правоохранительных органов), при наличии к тому оснований подлежат ответственности за соучастие в деятельности преступного сообщества в форме пособничества (ч. 5 ст. 33 УК России), а также за действия, образующие самостоятельный состав преступления [2].

Еще одна трудность, связанная с расследованием преступлений, предусмотренных ст. 210 УК России, носит объективный характер и связана с особенностями самой организованной преступной деятельности по созданию преступного сообщества (преступной организации) и руководству им (ей), которая в основном носит интеллектуальный характер и, как правило, не оставляет материальных следов преступления [5].

Теперь обратимся к вопросу о разграничении понятий «организованная преступная группа» и «преступное сообщество».

Кроме признаков преступного сообщества (преступной организации), указанных в законе, существуют другие, факультативные, позволяющие отграничить преступное сообщество (преступную организацию) от организованных преступных групп. Эти факультативные признаки, на наш взгляд, следующие:

- преступное сообщество (преступная организация) имеет, как правило, сложную структуру, может состоять из звеньев, «бригад»;
- обычно преступное сообщество (преступную организацию) возглавляет сильный лидер, который использует авторитарные методы управления сообществом (нередко имя лидера дает название всей преступной группировке);
- в преступном сообществе (преступной организации) поддерживается еще более жесткая дисциплина, нередко самыми жестокими способами;
- преступное сообщество (преступная организация) формирует специальные «блоки защиты» из числа коррумпированных должностных лиц государственных органов и правоохранительных учреждений;

– в преступных сообществах (преступных организациях) разрабатываются и соблюдаются специальные меры конспирации и защиты от разоблачения;

– специальной целью создания и функционирования преступных сообществ (преступных организаций) является получение постоянных преступных доходов.

Можно выделить следующую важную закономерность, позволяющую отграничивать организованную группу от преступного сообщества. Если в организованной группе ее лидер – организатор и (или) руководитель – зачастую сам участвует в совершении преступлений, для которых создается криминальное формирование, то в преступном сообществе функции руководства и участия в конкретных преступлениях обычно разделены. Лидер сообщества лишь отдает распоряжения «подчиненным», осуществляет общее руководство преступной деятельностью, обычно через своих приближенных, руководителей соответствующих подразделений (блоков, звеньев, бригад), другими словами, обладает полным объемом организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций по руководству и управлению сообществом.

Еще одно характерное отличие организованной группы от преступного сообщества – способность последнего к своеобразной «регенерации». Преступное сообщество даже после ликвидации правоохранными органами одного или нескольких структурных подразделений и привлечения их членов к уголовной ответственности может возобновить криминальную деятельность: в ряды сообщества рекрутируются новые участники; возможно, происходит слияние с другими группировками; одновременно с этим осваиваются и новые пути извлечения преступных доходов. Исключение – лишь нейтрализация руководящего звена («мозгового центра») преступного сообщества, что, как правило, влечет его полную ликвидацию [4].

В качестве дополнительного критерия, позволяющего отграничить организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию) от иных форм соучастия в преступлении, предлагается рассматривать неоднократное совместное осуществление их участниками преступных деяний – преступной деятельности, причем в данном случае неоднократное совместное участие возможно в разнородных, тождественных и однородных преступлениях. Соучастие в организованных группах и преступных сообществах (преступных организациях) характеризуется определенными внешними и внутренними свойствами – психическим отношением соучастников как к факту самого участия в преступном объединении, так и к факту совершения общественно опасного деяния – преступления – в составе такого преступного объединения.

Рассматривая цели создания преступного сообщества и организованной группы, можно также указать на некоторые имеющиеся здесь противоречия.

Во-первых, не может быть названа устойчивой преступная группа, если ее члены объединились для совершения только одного преступления, а затем такая группа распалась. В таком случае ее вообще следует считать группой лиц, совершивших преступление по предварительному сговору.

Во-вторых, по логике законодателя организованная группа формируется для совершения преступлений любой тяжести (небольшой, средней тяжести, тяжких и особо тяжких), тогда как совершение тяжких и особо тяжких преступлений – признак преступного сообщества. Указанное обстоятельство фактически исключает возможность четкого разграничения организованной группы и преступного сообщества в зависимости от тяжести преступлений, для совершения которых они созданы.

Следующей проблемой, возникающей при расследовании преступлений, совершаемых преступными сообществами, можно назвать недостаточную государственную защиту лиц, оказывающих содействие правоохранным органам.

Полагаем, что в сложившейся ситуации необходимо детализировать правовую норму об освобождении от уголовной ответственности лиц, отказавшихся от дальнейше-

го осуществления деятельности в составе преступного сообщества и оказывающих содействие правоохранительным органам в изобличении членов сообщества и его преступной деятельности. В частности, оптимальным правовым компромиссом явилось бы снижение меры наказания, естественно, с учетом ценности полученной информации для лиц, совершивших преступления в составе преступного сообщества [8].

Если вступивший в преступное сообщество никаких преступлений не совершал и добровольно заявил органам власти о существовании преступного сообщества и своей принадлежности к нему, он должен быть освобожден от уголовной ответственности. В этой связи можно предложить дополнить ст. 210 УК России следующим примечанием: «Лицо, вступившее в преступное сообщество и добровольно заявившее органам власти о его существовании, способствуя тем самым разоблачению преступного сообщества, освобождается от уголовной ответственности за участие в преступном сообществе» [6].

Подводя итог сказанному, можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, проблемы квалификации действий организаторов и участников преступных сообществ лежат как в законодательной, так и в правоприменительной плоскости. Следователям при составлении постановлений о привлечении в качестве обвиняемого надлежит более четко и ясно описывать признаки, характерные именно для преступного сообщества, руководствуясь при этом положениями УК России и Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.06.2008 № 8. Оперативным сотрудникам при проведении оперативно-розыскных мероприятий надлежит большее внимание уделять сбору фактических данных, свидетельствующих о сплоченности и устойчивости преступного сообщества, собирать больше данных о личности его организаторов и руководителей.

На законодательном уровне необходимо проводить работу по совершенствованию дефинитивных норм, касающихся организованных преступных групп и преступных сообществ, а также совершенствованию способов их толкования с целью ухода от оценочных категорий и уменьшения степени их оценочности.

Необходимо также постоянно осуществлять работу по повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, проводить координационные совещания с целью обмена опытом борьбы с организованной преступностью. В этом случае работа по противодействию организованной наркопреступности в России будет вестись гораздо эффективнее.

Список литературы

1. Кубов, Р. Х. Проблемы квалификации организации преступного сообщества (преступной организации) / Р. Х. Кубов // Российский следователь. – 2008. – № 10.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2008 № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2008. – № 8. – Авг.
3. Определение Верховного суда РФ от 29.09.2006 № 31-006-18. – URL: <http://www.consultant.ru>
4. Агапов, П. Критерии разграничения организованной группы и преступного сообщества / П. Агапов // Законность. – 2007. – № 5.
5. Быков, В. Объективная сторона организации преступного сообщества / В. Быков // Законность. – 2002. – № 10.
6. Артунов, А. А. Уголовно-правовая характеристика преступного сообщества / А. А. Артунов // Адвокат. – 2001. – № 2.
7. Агапов, П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые проблемы юридической оценки / П. Агапов // Уголовное право. – 2006. – № 2.
8. Дашковская, Г. М. Проблемы выявления, расследования и квалификации деятельности преступных сообществ в сфере незаконного оборота наркотиков / Г. М. Дашковская, Э. А. Капашина // Наркоконтроль. – 2006. – № 1.

Фролов Дмитрий Валерьевич

кандидат юридических наук, преподаватель,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: dv.frolov1988@mail.ru

Frolov Dmitry Valeryevich

candidate of juridical sciences, lecturer,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

УДК 343.575

Фролов, Д. В.

Как правильно квалифицировать действия организаторов и участников преступных сообществ (преступных организаций) в сфере незаконного оборота наркотиков / Д. В. Фролов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 31–39.

О. В. Шоронов, А. Н. Коновалов

ПОЛИГРАФ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы применения полиграфа в правоохранительных органах. Проанализированы направления и ограничение его использования.

Ключевые слова: применение полиграфа, работник, Трудовой кодекс РФ, квалификационные требования.

В любом типе государственного устройства, при любой организации человеческого общества широко распространено явление, когда один индивид владеет той или иной принадлежащей ему информацией, приносящей ему определенные блага и преимущества перед другими членами общества, а другие индивиды стремятся получить ее для того, чтобы самим извлекать из нее прибыль. В этой связи имеющий эту информацию индивид зачастую сознательно искажает или вовсе скрывает ее, чтобы сохранить перед другими свое преимущество. Данное сокрытие информации весьма широко распространено в человеческом обществе. При этом владелец информации в своем противостоянии с теми, кто хочет ее получить, тем или иным способом защищает ее, зачастую прибегая к такой форме защиты, как ложь, которая, по сути, является намеренным искажением или утаиванием истины, а также сообщением сведений, не соответствующих действительности, и делает это умышленно, имея осознанное намерение создать у другого человека иллюзию того, что это сообщение соответствует действительности, т.е. является правдивым.

Итак, один человек стремится получить информацию, которой владеет другой, зачастую прибегая при этом к лжи [1, 2]. Уже в глубокой древности люди заметили, что страх перед разоблачением этой лжи и, соответственно, наказанием за нее сопровождается целым рядом определенных изменений некоторых физиологических функций жизнедеятельности человеческого организма, доступных пытливому наблюдателю. Вот почему разные народы в разные эпохи пытались использовать возможность уличить лжеца в обмане, т.е. прибегали к тому или иному способу детекции (от латинского *detectio* – открывать, обнаруживать, разоблачать) лжи.

Таким образом, психофизиологический метод выявления скрываемой информации до появления технических средств детекции лжи основывался на определяемой неаппаратными средствами устойчивой связи скрыто протекающих психических процессов с параллельно им протекающими физиологическими процессами, поддающимися объективной регистрации с помощью органов чувств (зрение, осязание, обоняние и т.п.). Однако до того, как человечество научилось определять проявления этих психологических процессов через сопровождающие их физиологические реакции путем технических средств, оно прошло на этом пути достаточно долгий путь [3].

Так, в Соединенных Штатах Америки из-за ряда случаев ущерба, нанесенного шпионажем, увеличилось число федеральных служащих, прошедших тестирование на полиграфе; в результате этого большинство военных служб начало вводить в практику программы, основанные на применении этого технического средства. Количество специалистов, подготовленных правительством, увеличилось почти в три раза. Расширяющаяся правительственная деятельность в сфере применения полиграфа не ограничивается проверкой на благонадежность. В семидесятые годы восемь правительственных департаментов имели свои полиграфные службы. На сегодняшний день к ним относятся следующие ведомства США:

- Армия;
- Воздушные силы;
- Флот;
- Морской корпус;
- Федеральное бюро расследований;
- Центральное разведывательное управление;
- Агентство национальной безопасности;
- Почтовая служба;
- Администрация по борьбе с наркотиками;
- Секретная служба;
- Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию;
- Маршалская служба США;
- Американская таможня;
- Оборонная разведывательная служба.

Не удивительно, что в настоящее время США являются мировым лидером в данной области и выполняют ежегодно не менее миллиона проверок на полиграфе, т.е. больше, чем все остальные страны мира.

В 1992 г. была создана соответствующая группа в МВД России, которая также использует полиграф в оперативно-розыскной деятельности. В 1993 г. Министерство юстиции РФ провело совещание по проблеме полиграфа с участием представителей всех силовых структур, а также Верховного суда России. В результате Минюст зарегистрировал первую ведомственную «Инструкцию о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности» [4]. Вскоре аналогичные инструкции были приняты в МВД и Федеральной службе налоговой полиции России. В 1995 г. в Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» были внесены поправки, которые официально разрешили сотрудникам милиции использовать полиграф в расследовании преступлений и правонарушений [5].

С этого же года в Федеральной службе налоговой полиции также стало работать подразделение высококвалифицированных операторов полиграфа. Своих специалистов, помимо указанных ведомств, сегодня имеют Служба военной разведки России и Главное разведывательное управление Генштаба Министерства обороны России.

Главное, что следует сказать, освещая вопрос правомочности применения полиграфа в нашей стране, – в настоящее время в России использование контактного полиграфа для гласного получения информации законом не запрещено, в частности получение лицензии на его приобретение и использование *не требуется*. При этом единого нормативного акта, регулирующего применение полиграфа в различных сферах общественной жизни, в России пока нет.

Не существует и государственных стандартов по применению полиграфа в РФ. Есть лишь стандарт СТО РАЭБУР 51-02-99 «Порядок проведения опросов с использованием полиграфа», разработанный Институтом криминалистики ФСБ РФ совместно с Российским агентством экономической безопасности при Торгово-промышленной палате в 1999 г., т.е. стандарт общественной организации, который носит рекомендательный характер [3].

Кроме того, имеются различные ведомственные акты, регламенты, инструкции, касающиеся применения опроса с использованием полиграфа (ОИП). И хотя прямое законодательное регулирование использования полиграфа в деятельности государственных и коммерческих структур отсутствует, анализ российского законодательства позволяет говорить о наличии серьезных и правомочных оснований применения полиграфа в частном секторе. В частности, Министерство юстиции России проводило правовую

экспертизу соответствующих нормативных документов, касающихся применения ОИП, в результате чего начиная с 1993 г. этот метод получил «право гражданства» в России. Вот почему ОИП с этого времени все активнее внедряется на ее территории.

Что же касается основных направлений применения ОИП в современной России, то их несколько:

- 1) оперативно-розыскная деятельность (ОРД);
- 2) судебные экспертизы в рамках уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса;
- 3) профессиональный отбор и кадровые проверки в различных государственных ведомствах;
- 4) служебные проверки в коммерческих организациях.

Статья 2 Конституции РФ гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Государства». Вместе с тем Конституция РФ утверждает, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [6, ст. 17, ч. 3].

Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) предоставляет работодателю право осуществлять отбор нанимаемого на работу персонала и прямо указывает, что «не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральными законами» [7, ст. 3, ч. 3]. На необходимость проведения отбора работников указывает п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, согласно которому Закон дает работодателю право расторгнуть Трудовой договор в случае «предоставления работником работодателю подложных документов или заведомо ложных сведений при заключении Трудового договора».

Закон РФ «О государственной тайне» установил, что «допуск должностных лиц и граждан к государственной тайне предусматривает письменное согласие на проведение в отношении их полномочными органами проверочных мероприятий» [8, ст. 21, ч. 3].

Федеральный закон «О коммерческой тайне» существенно расширил правовую основу опроса с использованием полиграфа (ОИП) при защите коммерческих интересов предприятий различных форм собственности. Закон предоставил обладателю информации, составляющей коммерческую тайну, право «определять порядок и условия доступа к этой информации» [9, ст. 7, ч. 3], устанавливать систему «контроля за соблюдением такого порядка» [9, ст. 10 ч. 1. п. 2] и применять в этих целях при необходимости любые «не противоречащие законодательству РФ меры» [9, ст. 10, ч. 4].

Если говорить о трудовых правоотношениях, то правовой основой применения полиграфа можно считать положения Трудового кодекса РФ, прежде всего гл. 14, где разъясняется понятие персональных данных работника (ст. 85). В этой же главе, п. 7, указывается на то, что работник защищен от неправомерного использования персональных данных работодателем. Это касается и сведений, полученных с помощью полиграфа.

Согласно ныне действующему ТК РФ, работодатель имеет право вводить ограничения или делать предпочтение при приеме на работу исходя из требований, свойственных определенному виду труда или служебной деятельности. Кроме того, ТК РФ предоставляет работодателю право собирать персональные данные работника: информацию, касающуюся конкретного работника и необходимую работодателю в связи с трудовыми отношениями (гл. 14, ст. 85–90). В этой же главе впервые вводится понятие персональных данных работника, дается определение процедурам обработки данных: «Персональные данные работника – информация, необходимая работодателю в связи с трудовыми отношениями и касающаяся конкретного работника. Обработка персональных данных работника – получение, хранение, комбинирование, передача или любое другое использование

персональных данных работника» [7, ст. 85]. Сюда же можно отнести и данные, полученные с помощью тестирования на полиграфе.

В статье 86 ТК РФ (пп. 1, 3–5, 8) установлены ограничения в постановке вопросов, касающихся политических, религиозных убеждений, частной жизни, ответы на которые работодатель получает с помощью обработки персональных данных. ТК РФ предусматривает добровольность предоставления работником таких данных, ознакомление с ними, письменное согласие на их передачу работодателю, запрещение получать их через третьих лиц без письменного согласия работника.

Получение персональных данных работника, как это явствует из статей ТК РФ, осуществляется от него самого и необходимо работодателю для решения вопросов о трудоустройстве, продвижении по службе, обеспечения личной безопасности работников, сохранности имущества.

Согласно комментарию к Трудовому кодексу РФ, метод тестирования (которым, по сути, и является проверка на полиграфе) признается одним из современных методов организации подбора и расстановки кадров (гл. 11 «Заключение трудового договора») [7]. Поэтому соответствует ТК РФ включение в Трудовой договор положения о том, что «работник обязан активно содействовать проводимым работодателем служебным разбирательствам и в случае необходимости проходить опрос с использованием полиграфа (ОИП)» [2, с. 10, 29].

Итак, внесение данных положений в трудовые договоры и локальные правовые нормативные акты делает применение ОИП государственными и негосударственными пользователями вполне легитимным в рамках действующего отечественного законодательства.

В связи с этим вопрос: «Применять или не применять полиграф при работе с кадрами?» – носит уже не столько правовой, сколько эмоциональный характер.

Помимо добровольного ОИП в коммерческих и некоммерческих организациях для контроля сохранения государственной тайны в государственных учреждениях целесообразно применять обязательный ОИП, в том числе и в правоохранительных органах.

Направлениями применения полиграфа в правоохранительной деятельности можно считать [1, с. 4]:

- расследование преступлений, отбор персонала;
- организацию мониторинга при обучении персонала правоохранительных органов навыкам психологической саморегуляции;
- клиническую экспертизу наличия у сотрудника полиции посттравматического стрессового расстройства;
- психолого-физиологическую диагностику агрессивности и тревожности личности.

За последние годы в России разработана система применения полиграфа в оперативно-розыскной деятельности – создана нормативная база, разработаны квалификационные требования к специалистам, проводящим опросы [4, с. 24; 10, с. 67].

Вместе с тем использование полиграфа по-прежнему остается научной, нравственной и практической проблемой, а именно:

- вероятностный характер результатов ОИП ограничивает их доказательную силу;
- существует проблема соблюдения методических принципов проведения ОИП, а именно добровольности;
- большое значение имеет подготовка специалистов (90 % успеха зависит от полиграфолога);
- при обвинительном характере результатов ОИП не ясно, что делать;
- отсутствует закон о полиграфе, где закреплены критерии и границы применения, технологии (методики).

Список литературы

1. Варламов, В. А. Детектор лжи / В. А. Варламов. – М. : ПЕРСЭ-Пресс, 2004. – 352 с.
2. Харин, Ю. Л. Детектор лжи: как это делается / Ю. Л. Харин. – М. : Эксмо, 2006. – 352 с.
3. Шлыкова, А. В. Специальная техника, применяемая при совершении преступлений / А. В. Шлыкова, А. Хаитжанов // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 2 (6). – URL: <http://esj.pnzgu.ru>
4. Правовые аспекты применения полиграфа при работе с кадрами / Ю. Холодный, В. В. Дятленко, А. С. Подшибякин, А. С. Перельгин // Политика. – 2005. – № 72. – Июнь. – С. 6–13.
5. Репьев, А. Г. Правовые категории «законность» и «дисциплина»: опыт системного исследования / А. Г. Репьев, А. М. Репьева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 22–32.
6. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с поправками от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – URL: <http://www.consultant.ru>
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 4 нояб. 2014 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>
8. Закон РФ от 21 июля 1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 21 дек. 2013 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>
9. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. 12 марта 2014). – URL: <http://www.consultant.ru>
10. Угодников, К. Соврамши вас!.. / К. Угодников // Итоги. – 2006. – 20 марта. – С. 64–67.

Шоронов Олег Валентинович

кандидат военных наук, доцент,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет,
E-mail: Shoronovo@mail.ru

Shoronov Oleg Valentinovich

candidate of military sciences, associate professor,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

Коновалов Андрей Николаевич

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: vortexni222@mail.ru

Konovlov Andrey Nikolaevich

student,
Penza State University

УДК 343.982

Шоронов, О. В.

Полиграф в правоохранительных органах / О. В. Шоронов, А. Н. Коновалов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 40–44.

А. В. Яшин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследованы вопросы профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства. Сделан вывод, что к проблемам предупреждения указанных общественно опасных деяний относятся политические, социально-экономические, идеологические, нравственно-культурные недостатки современного общества, а также слабая организация деятельности правоохранительных органов. Обоснована необходимость комплексного подхода к разработке средств и методов, направленных на противодействие преступлениям рассматриваемой категории.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, предупреждение преступлений, правоохранительные органы, предварительное расследование, раскрытие преступлений.

В юридической литературе отражается, что «в современных условиях одним из главных направлений деятельности государства и его органов остается выполнение задач по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью» [1, с. 52].

В настоящее время государство и правоохранительные структуры сталкиваются со многими проблемами в сфере профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства. И хотя, как указывает М. А. Фетисова, «за годы реформ расширились процессуальные гарантии соблюдения прав участников уголовного процесса» [2, с. 1], остаются актуальными вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в отношении указанных лиц.

К основным проблемам общего уровня предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства относятся политические, социально-экономические, идеологические, нравственно-культурные недостатки нашего общества.

Ключевыми проблемами частного характера являются, на наш взгляд, недостаточное правовое обеспечение предупредительных мер и слабая организация деятельности правоохранительных органов.

Как совершенно справедливо отмечает С. И. Герасимов, «в современных условиях наше общество как никогда нуждается во внятной государственной политике борьбы с преступностью» [3, с. 45]. И хотя данное суждение было высказано более десяти лет назад, оно является актуальным и в наши дни.

К сожалению, государство до сих пор никак не определится по вопросу политики противодействия преступности. Бесконечное, зачастую бесполезное реформирование правоохранительных органов, связанное в основном с организационно-штатными мероприятиями, отрицательно сказывается на осуществлении мер противодействия преступности. Отсутствует единая политическая воля, направленная на принятие тех или иных программ, проектов, законов.

Думается, что следовало бы уже определиться с принятием закона о профилактике преступлений (правонарушений), что обсуждается уже около 40 лет. Несмотря на то, что существуют соответствующие нормативные правовые акты на уровне субъектов Российской Федерации, на федеральном уровне принятие данного закона игнорируется.

Как указывает В. С. Устинов, «хотя этот закон не сможет охватить все конкретные нормы профилактического характера, он должен стать для них рамочным ориентиром и

стандартом, которым они должны соответствовать. Только в законе общего характера могут быть сформулированы цели, задачи, принципы законодательства, основные виды, методы, формы профилактики, определены субъекты и основы их компетенции» [4, с. 46].

Представляется, что к наиболее актуальным проблемам предупреждения рассматриваемых преступлений относятся проблемы идеологического характера, которые необходимо разрешать путем убеждения, воспитания и просвещения населения с целью усиления веры в успех в борьбе с преступностью. Данные вопросы пересекаются с проблемами нравственно-культурными.

Как отмечает В. А. Пантелеев, «меры идеологического характера осуществляются через целенаправленную правовоспитательную, культурно-воспитательную работу. Вся эта деятельность способствует предупреждению и устранению криминогенных деформаций в групповом сознании, общественном мнении. Ее цель – формировать у граждан непримиримость к правонарушениям, готовность активно противостоять им, а также скорректировать нравственную позицию лиц, склонных к правонарушениям» [5, с. 124].

Немалую роль в нравственно-культурном воспитании личности играет формирование ее правовой культуры и ее правосознания.

Так, Н. Л. Гранат полагает, что правосознание – это «сфера или область сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях» [6, с. 243].

Р. С. Байниязов включает в понятие правосознания «юридические цели, интересы, мотивы, привычки, традиции, иллюзии, интуицию, ментальные установки, стереотипы, правовое внушение, подражание, реакции, волевые импульсы, правокультурные модели поведения и многие другие составляющие» [7, с. 24].

А. Б. Венгеров описывает правосознание как «канал воздействия права через мотивацию, эмоции, сознание на поведение людей, на формирование общественных отношений» [8, с. 482].

На наш взгляд, нет смысла перечислять все существующие дефиниции правосознания, следует лишь подчеркнуть, что правосознание личности влияет на формирование ее поведения, как правомерного, так и девиантного.

Одной из частных проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства является слабая организация деятельности правоохранительных органов. К ней следует отнести их ненадлежащее взаимодействие в борьбе с преступлениями против участников уголовного судопроизводства и недостаточное взаимодействие различных служб и подразделений внутри конкретного правоохранительного органа.

Как писал В. Н. Кудрявцев, «если два или несколько участников взаимодействия стремятся к одной и той же цели, это может породить сотрудничество и взаимопомощь» [9, с. 27].

По мнению В. А. Фесунова, «организация взаимодействия в области борьбы с преступностью – это реальный факт, то есть такая организация продиктована необходимостью совместного выполнения соответствующих задач различными органами, в частности правоохранительными органами» [10, с. 51].

Тем не менее современная система оценки показателей работы правоохранительных органов довольно часто приводит к тому, что взаимодействие между ними не осуществляется, и конечный результат становится отрицательным. Об этом пишет и М. А. Фетисова: «сложившаяся система пресловутых "показателей", от которых зависит благополучие руководителей подразделений правоохранительных органов, толкает их на различного рода злоупотребления и нарушения при проведении расследования и сбора доказательств виновности лиц по раскрываемым преступлениям» [11, с. 54].

Например, согласно ч. 5 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 308, 310 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) и некоторыми другими (об уголовной ответственности за преступления против участников уголовного судопроизводства), предварительное следствие может производиться также следователями органа, выявившего эти преступления.

Это означает, что данные преступления могут раскрывать и расследовать сотрудники разных правоохранительных органов (ФСБ, МВД, ФСКН и т.п.). Однако сотрудники одного правоохранительного органа стараются самостоятельно раскрыть данные преступления, утаивая оперативную информацию от сотрудников другого правоохранительного органа. Это происходит потому, что если преступления будут раскрываться во взаимодействии, то неизвестно, какому правоохранительному органу будет засчитан результат раскрытия. Иногда такое утаивание информации друг от друга приводит к тому, что преступление так и не раскрывается.

В связи с данным обстоятельством следует, на наш взгляд, изменить критерии показателей деятельности правоохранительных органов. В настоящее время основные показатели раскрытия преступлений оцениваются по окончанным уголовным делам, направленным в суд или прекращенным по нереабилитирующим основаниям.

Тем не менее уголовные дела, направленные в суд, могут прекращаться и самим судом по реабилитирующим основаниям, либо в отношении подсудимых выносятся оправдательные приговоры. В данном случае лицо освобождается от уголовной ответственности, а преступление так и остается нераскрытым, хотя правоохранительные органы уже отчитались в обратном.

Поэтому предлагается оценивать работу правоохранительных органов по раскрытию преступлений не по факту окончания предварительного расследования, а только после того, как обвинительный приговор вступит в законную силу. В этом случае все правоохранительные органы будут заинтересованы в том, чтобы виновный не ушел от уголовной ответственности и наказания. Таким образом, будет обеспечена защита участников уголовного судопроизводства до стадии вступления приговора в законную силу.

Что касается внутреннего взаимодействия служб и подразделений конкретного правоохранительного органа, то и здесь имеются определенные недостатки. Координирующим и направляющим звеном в таком взаимодействии является лицо, производящее расследование, т.е. следователь или дознаватель. Именно они определяют направление расследования и решают, какие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия необходимо произвести для раскрытия того или иного преступления и качественного окончания предварительного расследования.

Основной формой взаимодействия в данном случае является исполнение поручений следователя в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Тем не менее в данной уголовно-процессуальной норме не предусмотрен срок исполнения поручения, в связи с чем оно необоснованно затягивается, что приводит к утрате доказательств и волоките при расследовании уголовных дел. Следует также заметить, что ст. 41 УПК РФ не предусмотрено исполнение поручений дознавателя по расследуемым уголовным делам.

В связи с изложенными обстоятельствами с целью оптимизации взаимодействия подразделений и служб правоохранительных органов предлагается внести изменения в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и дополнить ч. 3 ст. 41 УПК РФ п. 3, изложив их в следующей редакции соответственно:

– п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ: «давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

Орган дознания обязан выполнить поручение в срок, не превышающий 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих длительного срока исполнения, он должен быть определен следователем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела»;

– п 3. ч. 3 ст. 41 УПК РФ: «давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Орган дознания обязан выполнить поручение в срок, не превышающий 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих длительного срока исполнения, он должен быть определен дознавателем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела».

Также представляется, что весьма актуальной проблемой профилактики рассматриваемых общественно опасных деяний является отсутствие комплексного подхода к профилактической деятельности.

Так, участие того или иного лица в уголовном процессе охватывается многими отраслями научных знаний криминального цикла, поэтому систему преступлений против участников уголовного судопроизводства можно представить как совокупность следующих составляющих:

1) мер уголовно-правового характера; сюда входит совершенствование норм уголовного законодательства, криминализация и декриминализация отдельных противоправных деяний;

2) мер уголовно-процессуального характера; к ним относится совершенствование уголовно-процессуального законодательства;

3) криминалистических мер; это – разработка тактических приемов производства отдельных следственных действий и методики расследования преступлений против участников уголовного судопроизводства;

4) оперативно-розыскных мер; здесь речь идет о совершенствовании тактики производства оперативно-розыскных мероприятий, направленных на своевременное раскрытие преступлений рассматриваемой категории и оперативное сопровождение уголовных дел;

5) административно-правовых мер; к ним следует отнести совершенствование законодательства об административных правонарушениях, а также иных нормативных правовых актов, регламентирующих защиту участников уголовного судопроизводства.

Данные составляющие являются элементами системы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, поскольку каждый из указанных компонентов действует во взаимосвязи с другими компонентами. Это и указывает на комплексность деятельности по предупреждению преступлений рассматриваемой категории.

О комплексном подходе к предупреждению преступности пишут в своих работах многие видные ученые-криминологи. В этом они усматривают сущность предупредительной работы.

Так, С. Е. Вицин отмечал, что «говоря о проблемах преступности, о реализации целей ее сокращения и последующего искоренения, об организации борьбы с преступностью, необходимо подчеркнуть подлинно комплексный характер этих проблем, который сейчас ни у кого не вызывает сомнений. Соответственно исследование названных проблем невозможно в рамках какой-либо одной отрасли знаний» [12, с. 27].

По мнению М. М. Бабаева, профилактика преступности «неизбежно должна быть адекватно сложной и комплексной деятельностью; она должна учитывать перспективы развития общества в целом, многочисленные социально-политические, педагогические, правовые и другие факторы» [13, с. 138].

С точки зрения С. В. Бородина, «комплексный подход к разработке средств и методов борьбы с преступностью обусловлен разнообразием характеристик преступности и ее причин. Он включает различные направления борьбы с преступностью: предупреждение преступлений, раскрытие и расследование преступлений, рассмотрение уголовных дел в судах и т.д. В свою очередь, каждое из направлений предполагает также комплексный подход как необходимое условие успешной борьбы с преступностью» [14, с. 27].

Согласно представлению А. Э. Жалинского, «комплексность профилактики преступлений приводит к усилению ее действенности и наступательности. Любые профилактические меры должны реально воздействовать на людей, приводить к улучшению криминогенной обстановки на производстве, по месту жительства, в психологии конкретного лица. Соблюдать требование комплексности как показателя качества профилактики – значит вести постоянный поиск лучших приемов, отказываться от устаревших методов работы, использовать накопленный опыт, стремиться по-новому подойти к решению поставленных задач» [15, с. 115].

Однако в настоящее время в законодательных актах отсутствует комплексность мер, направленных на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства.

Например, в ст. 43 и 60 УПК РФ регламентировано участие в уголовном судопроизводстве соответственно частного обвинителя и понятого. Однако в Уголовном кодексе РФ отсутствуют нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение в отношении них преступлений.

В связи с принятием Федерального закона РФ № 87-ФЗ от 05.06.2007 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» часть полномочий прокурора перешла руководителю следственного органа. В частности, к нему перешли такие функции, как отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; продлевать срок предварительного расследования; утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу; возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования и др.

Однако уголовным законодательством не предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступлений в отношении руководителя следственного органа.

То же самое относится и к начальнику подразделения дознания. Федеральный закон РФ № 90-ФЗ от 06.06.2007 дополнил перечень участников уголовного судопроизводства начальником подразделения дознания (ст. 40-1 УПК). Он выполняет определенные функции, например, такие как изымать уголовное дело у одного дознавателя и передавать другому; отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу. Но в УК РФ не предусмотрены нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение преступлений в отношении начальника подразделения дознания.

Усматриваются некоторые несоответствия и в Кодексе об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ). Так, ст. 17.7 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя. Тем не менее ответственность за невыполнение законных требований руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания административным законодательством не регламентирована.

Таким образом, в сфере охраны участников уголовного судопроизводства отсутствует комплексный подход к указанной проблеме. Каждая отрасль права или научного знания решает рассматриваемые вопросы в отдельности, без взаимосвязи друг с другом. Изменение норм в одном законодательстве происходит без учета норм других законодательств, материальное право не согласовано с процессуальным и т.п. Данное обстоятельство существенно снижает эффективность мер, направленных на профилактику преступлений рассматриваемой категории.

Следует также отметить, что выше отражены лишь некоторые проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. В связи с ограниченным объемом статьи не представляется возможным раскрыть все проблемные моменты. Вследствие этого представленные выводы и предложения не следует считать окончательными. Такая сложная комплексная проблема, как предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства, предполагает ее дальнейшее криминологическое изучение.

Список литературы

1. Колемасов, В. Н. Государственная политика в сфере профилактики преступности в России: история и современность / В. Н. Колемасов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 52–59.
2. Фетисова, М. А. Участие граждан в отправлении правосудия как конституционное право – гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / М. А. Фетисова // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 1. – URL: <http://esj.pnzgu.ru>
3. Герасимов, С. И. Предупреждение преступности: опыт, проблемы (пути и средства их разрешения) / С. И. Герасимов // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 44–62.
4. Устинов, В. С. Концепция закона о профилактике преступлений / В. С. Устинов // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. – М. : Изд-во Рос. криминолог. ассоц., 2002. – С. 83–85.
5. Пантелеев, В. А. Организация деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности в России и за рубежом : дис. ... канд. юрид. наук / Пантелеев В. А. – М., 2003. – 191 с.
6. Гранат, Н. Л. Правосознание и правовая культура. Общая теория государства и права / Н. Л. Гранат ; под ред. В. В. Лазарева. – М. : Юристъ, 2001. – 520 с.
7. Байниязов, Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук / Байниязов Р. С. – Саратов, 1999. – 163 с.
8. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учеб. для юридических вузов / А. Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.
9. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1976. – 192 с.
10. Фесунов, В. А. Милиция на пике реформ / В. А. Фесунов // Криминологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 51–52.
11. Фетисова, М. А. Проблемные вопросы механизма реализации права граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия / М. А. Фетисова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 53–58.
12. Вицин, С. Е. Системный подход и преступность : учеб. пособие / С. Е. Вицин. – М. : Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 89 с.
13. Бабаев, М. М. О комплексном подходе к предупреждению преступности / М. М. Бабаев // Криминология и уголовная политика. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1985. – С. 138–140.
14. Бородин, С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С. В. Бородин. – М. : Наука, 1990. – 272 с.
15. Жалинский, А. Э. Комплексный подход – основное условие повышения эффективности и качества профилактики правонарушений / А. Э. Жалинский // Охрана правопорядка – дело всего народа : материалы респ. науч.-практ. конф., посвящ. актуальным проблемам охраны социалистического правопорядка в свете требований XXV съезда КПСС и новой Конституции СССР (10–11 мая 1978 г.). – Фрунзе : Кыргызстан, 1980. – С. 110–118.

Яшин Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: andrej.yaschin@yandex.ru

Yashin Andrei Vladimirovich

candidate of juridical sciences, associate professor,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

УДК 343.851

Яшин, А. В.

Некоторые проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства и возможные пути их разрешения / А. В. Яшин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 45–51.

А. В. Яшин, Н. А. Яшин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье исследованы некоторые вопросы осуществления уголовно-правовой политики. В рамках рассматриваемой проблемы проанализированы обстоятельства, связанные с исключением из уголовного законодательства норм о неоднократности преступлений и снижением нижней границы наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, принцип справедливости, неоднократность преступлений, наказание, общественная опасность.

В современной юридической литературе отмечается, что «важнейшим критерием оценки гуманизма современной уголовной политики является четкое определение приоритетов борьбы с преступностью. Среди них особое значение имеет решение ключевого вопроса об отношении к данному негативному явлению государственной власти и общества в целом» [1, с. 54].

Н. В. Макеева под уголовной политикой понимает «целенаправленную активную деятельность государства по защите общества от преступности, разработку и реализацию оптимальной стратегии, призванной обеспечить достижение цели стабилизации и ограничения уровня преступности» [2, с. 28].

В. Н. Кудрявцев и В. В. Лунеев, рассматривая уголовную политику в узком смысле слова, называют ее уголовно-правовой политикой и включают в это понятие «стратегию и тактику борьбы с преступностью именно и только уголовно-правовыми средствами» [3, с. 17].

Соглашаясь с данной терминологией, считаем, что в современной России имеются определенные проблемы реализации уголовно-правовой политики, что негативно отражается на правоприменительной практике.

Учитывая ограниченность объема настоящей статьи, рассмотрим лишь отдельные вопросы уголовно-правовой политики, связанные с исключением из Уголовного кодекса РФ (УК РФ) института неоднократности преступлений и расширением диапазона сроков лишения свободы в санкциях уголовно-правовых норм.

До недавнего времени в отечественном уголовном законодательстве в качестве одной из форм множественности преступлений выступала «неоднократность преступлений», которая была исключена из УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

Изъятие из УК РФ норм, регламентировавших институт неоднократности преступлений, вызвало острую дискуссию между учеными в области уголовного права и криминологии. Одни авторы приветствовали данную новеллу уголовного законодательства, другие относились к ней отрицательно.

Так, по мнению А. Н. Игнатова, «отказ от понятия неоднократности и изменение понятия совокупности преступлений нарушили разработанную российской наукой теорию множественности преступлений и вызвали явное смятение среди работников следствия и суда» [4, с. 8].

Н. Ф. Кузнецова отмечала, что «Госдума в противовес генеральным направлениям уголовной политики гуманизировала наказуемость профессиональной преступности и криминального рецидива» [5, с. 27].

Напротив, Т. Г. Черненко утверждает, что «исключив неоднократность совершения преступления из форм множественности преступлений и одновременно расширив со-

держание совокупности преступлений, законодатель тем самым снял ряд острых проблем, возникавших ранее при квалификации множественности преступлений и назначении наказания за множественность преступлений и свидетельствовавших о нарушении принципа справедливости» [6, с. 19].

В настоящее время неоднократность преступлений исключена из списка обстоятельств, отягчающих наказание, и квалифицирующих признаков многих составов преступлений.

Возражая против приведенного суждения Т. Г. Черненко, полагаем, что этот фактор привел к искажению принципа справедливости, а именно того положения, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны... соответствовать... личности виновного» (ст. 7 УК РФ). Если лицо совершает несколько тождественных или однородных преступлений, это свидетельствует о его повышенной преступной активности, о его преступном профессионализме.

В уголовно-правовой теории и правоприменительной практике основной проблемой была квалификация тождественных и однородных преступлений. Она состояла в том, что совершение нескольких таких деяний оценивалось как одно преступление, например совершение нескольких краж квалифицировалось по ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Данное обстоятельство явилось одним из аргументов в пользу исключения из УК РФ неоднократности преступлений. Например, М. А. Торкунов пишет, что «многократные преступления (десятки, а иногда и сотни краж), совершенные одним способом, оценивались как одно преступление, совершенное неоднократно. Приемлемого решения прежде уголовное законодательство не давало» [7, с. 32].

После исключения из УК РФ норм, регламентировавших неоднократность преступлений, каждое совершенное общественно опасное деяние стало квалифицироваться самостоятельно, а наказание назначаться по правилам совокупности преступлений.

В связи с этим А. В. Бриллиантов отмечает, что «неоднократность более не играет роли квалифицирующего признака. В ряде случаев это облегчит решение вопросов квалификации преступлений. Каждый эпизод преступной деятельности в соответствии с новым законодательством подлежит самостоятельной правовой оценке. В настоящее время, скажем, десять эпизодов краж, при отсутствии других квалифицирующих признаков, будут квалифицированы не по ч. 3 ст. 158 УК РФ, как ранее, а десять раз по ч. 1 этой статьи» [8, с. 13].

Тем не менее возникает закономерный вопрос: почему же нельзя было квалифицировать каждое неоднократное преступление, а наказание назначать по правилам совокупности преступлений?

За несколько лет до исключения из УК РФ института неоднократности преступлений А. Давыдовым и В. Малковым приводилась точка зрения, согласно которой «более предпочтительным представляется предусмотреть в ч. 3 ст. 16 УК, что в случаях, когда неоднократность преступлений предусмотрена в статьях Особенной части Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, каждое из преступлений, образующих их неоднократность, квалифицируется самостоятельно, а наказание назначается по правилам ст. 69 УК» [9, с. 48].

Практически о том же самом пишет и Э. Ф. Побегайло: «Часть 3 ст. 16 УК РФ можно было бы изложить в следующей редакции: "В случаях, когда неоднократность преступлений предусмотрена в статьях Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, каждое из образующих неоднократность преступление квалифицируется самостоятельно. Все эти деяния одновременно образуют также совокупность преступлений (ст. 17 настоящего Кодекса)"» [10, с. 112].

В данном случае уголовная ответственность за совершение повторных тождественных и однородных преступлений ужесточается, а само преступное деяние становится квалифицированным по признаку неоднократности преступлений, причем каждое дея-

ние оценивается самостоятельно, а наказание назначается по правилам совокупности преступлений.

Полагаем, что указанное обстоятельство способно было разрешить споры о квалификации преступлений с признаками неоднократности и стабилизировать принцип справедливости, поскольку уголовная ответственность за совершение нескольких таких преступлений ужесточалась. В тех случаях, когда в деянии отсутствовал бы квалифицирующий признак, связанный с неоднократностью преступлений, ее (неоднократность) следовало учитывать при указании обстоятельств, отягчающих наказание.

В последнее десятилетие усматривается тенденция законодателя к снижению нижнего предела такого вида наказания, как лишение свободы на определенный срок.

Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ внесены изменения в ст. 56 УК РФ, в результате которых минимальный размер лишения свободы снизился с 6 до 2 месяцев. Однако законодатель на этом не успокоился и продолжил снижать нижний порог указанного вида наказания в санкциях конкретных статей Особенной части УК РФ вплоть до его отмены.

Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ внесены очередные изменения в УК РФ, вследствие чего лишение свободы на определенный срок утратило нижнюю границу во многих санкциях уголовно-правовых норм.

Не имея цели проведения анализа всех изменений, касающихся отмены минимального размера лишения свободы, следует все же остановиться на отдельных, довольно распространенных преступлениях. Например, отменен нижний предел лишения свободы в санкциях всех частей ст. 111; ч. 3, 4 ст. 158; ч. 2 ст. 161; ч. 1, 2 ст. 162; ч. 3, 4 ст. 166 УК РФ и многих других.

Таким образом, значительно расширился диапазон сроков лишения свободы за совершение указанных преступлений. В частности, за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, стало возможным наказание в виде лишения свободы на срок от 2 месяцев до 15 лет. В связи с этим возникают закономерные вопросы: справедливы ли такие кардинальные изменения относительно назначения наказания и как они отразятся на качестве правоприменительной деятельности?

Согласно принципу справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

С точки зрения М. Г. Князьковой, сущность принципа справедливости состоит в том, как «соотносятся между собой преступление и наказание, воздаяние за совершенное, степень тяжести содеянного, личность преступника и мера наказания» [11, с. 163].

По мнению А. Ю. Рубцова, «справедливость наказания – многоаспектное понятие, объединяющее следующие начала: приоритет менее строгого вида наказания, требование учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи» [12, с. 124].

Следовательно, наказание будет справедливым в том случае, если оно назначается виновному с учетом характера и степени общественной опасности деяния и его личности, а также наличия обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, характеристик подсудимого, включая прежние судимости, и т.п.

Как указывают Ю. Д. Блувштейн и В. Л. Чубарев, «совершение преступлений примерно одинакового характера и примерно равной степени общественной опасности при сходных характеристиках виновных лиц, наличии одних и тех же смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств должно повлечь за собой назначение примерно равных наказаний» [13, с. 89].

Тем не менее, как справедливо пишет О. А. Рыжова, «судебная практика свидетельствует, что за одинаковые по характеру и степени общественной опасности преступления

и при совершенно одинаковой характеристике личности преступника и обстоятельствах дела суды нередко назначают отличающиеся сроки и виды наказания» [14, с. 1].

В частности, 7 апреля 2011 г. Ленинским районным судом г. Пензы за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, осужден П. Ю. Солдаткин, который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, обусловленной личными неприязненными отношениями, с целью причинения тяжкого вреда здоровью умышленно нанес потерпевшему один удар бейсбольной битой по голове, в результате чего причинил ему тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего.

П. Ю. Солдаткин не судим, характеризуется положительно, обстоятельств, отягчающих наказание, не установлено. В качестве обстоятельств, смягчающих наказание П. Ю. Солдаткина, суд учел признание вины, явку с повинной, возмещение морального вреда.

Суд признал П. Ю. Солдаткина виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (в редакции ФЗ от 07.03.2011 г.), и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [15].

8 июня 2011 г. Выборгским районным судом г. Санкт-Петербурга за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, осужден П. А. Литвин, который, находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе конфликта, возникшего на почве личных неприязненных отношений, и используя кухонный нож в качестве орудия преступления, умышленно нанес им потерпевшему не менее одного удара в область расположения жизненно важных органов – грудь, причинив ему тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, повлекший по неосторожности смерть потерпевшего.

П. А. Литвин не судим, характеризуется положительно, обстоятельств, отягчающих наказание, не установлено. В качестве обстоятельства, смягчающего наказание П. А. Литвина, суд учел явку с повинной.

Суд признал П. А. Литвина виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (в редакции ФЗ от 07.03.2011), и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [16].

Как видно из приведенных примеров, П. Ю. Солдаткин и П. А. Литвин совершили преступления примерно одинакового характера и примерно равной степени общественной опасности, ударив потерпевших в ходе ссоры по одному разу предметами, используемыми в качестве оружия. Оба являются несудимыми, имеют сходные характеристики, и обстоятельства, смягчающие наказание, практически одни и те же (при отсутствии отягчающих).

Тем не менее размер наказания, назначенного П. Ю. Солдаткину, значительно отличается от размера наказания, назначенного П. А. Литвину.

В данном случае увеличение диапазона сроков лишения свободы в санкциях уголовно-правовых норм приводит к необоснованному расширению судебного усмотрения при назначении наказания, что создает условия для формирования коррупциогенных факторов.

Кроме этого следовало бы отметить, что уголовные дела рассматриваются судьями, являющимися членами общества, на них, как и на многих людей, оказывают влияние различные факторы. Порой на назначение размера наказания влияют такие обстоятельства, как, например, настроение, эмоциональное состояние, характер судьи, проблемы личного плана, любое вмешательство в деятельность суда (не обязательно связанное с коррупцией), неприязнь к обвиняемому или, напротив, к потерпевшему и т.д.

Полагаем, что расширение диапазона сроков лишения свободы в санкциях уголовно-правовых норм, наблюдаемое в последние годы, нарушает уголовно-правовой принцип справедливости.

Надеемся, что устранение изложенных проблем сможет повысить эффективность уголовно-правовой политики и оптимизировать правоприменительную практику.

Список литературы

1. Виокуров, С. И. Уголовная политика и права потерпевшего в свете Конституции Российской Федерации: от деклараций к справедливости / С. И. Виокуров // Российский следователь. – 2014. – № 3. – С. 54–57.
2. Макеева, Н. В. Реформирование российской уголовной политики в условиях постмодернизационных процессов: проблемы и перспективы / Н. В. Макеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 2. – С. 27–36.
3. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М. : Спарк, 2001. – 767 с.
4. Игнатов, А. Н. Уголовный кодекс РФ за 10 лет применения / А. Н. Игнатов // Российская юстиция. – 2006. – № 6. – С. 7–9.
5. Кузнецова, Н. Ф. Мнение ученых о реформе УК (или qui prodest) / Н. Ф. Кузнецова // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 26–27.
6. Черненко, Т. Г. Назначение наказания при множественности преступлений : учеб. пособие / Т. Г. Черненко. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – 120 с.
7. Торкунов, М. А. Исключение из Уголовного кодекса Российской Федерации неоднократности – шаг к справедливой оценке множественности преступлений / М. А. Торкунов // Право в Вооруженных Силах. – 2004. – № 8. – С. 31–37.
8. Бриллиантов, А. В. Множественность преступлений в уголовном законе / А. В. Бриллиантов // Российский следователь. – 2004. – № 2. – С. 11–13.
9. Давыдов, А. Неоднократность преступлений и ее уголовно-правовое значение / А. Давыдов, В. Малков // Российская юстиция. – 2000. – № 1 – С. 47–49.
10. Побегайло, Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 112–117.
11. Князькова, М. Г. Соотношение принципа справедливости с уголовно-правовыми принципами / М. Г. Князькова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (29–30 января 2009 г.). – М. : Проспект, 2009. – С. 160–163.
12. Рубцов, А. Ю. Справедливость и уголовное наказание / А. Ю. Рубцов // Вестник КРАГСиУ. Государство и право. – 2008. – № 11. – С. 122–125.
13. Блувштейн, Ю. Д. Справедливость уголовного наказания / Ю. Д. Блувштейн, В. Л. Чубарев // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства в деятельности органов внутренних дел : тр. Академии МВД СССР. – М. : Изд-во Академии МВД СССР, 1987. – С. 88–93.
14. Рыжова, О. А. Особенности, связанные с судебским усмотрением при назначении наказания / О. А. Рыжова // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 2. – URL: <http://esj.pnzgu.ru>
15. Уголовное дело № 1-41/11 из архива Ленинского районного суда г. Пензы.
16. Уголовное дело № 1-390/11 из архива Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга.

Яшин Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: andrey.yaschin@yandex.ru

Яшин Никита Андреевич

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: joker4695@mail.ru

Yashin Andrei Vladimirovich

candidate of juridical sciences, associate professor,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

Yashin Nikita Andreevich

student,
Penza State University

УДК 343.2/7

Яшин, А. В.

Некоторые проблемы современной уголовно-правовой политики / А. В. Яшин, Н. А. Яшин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 52–56.

Е. А. Капитонова

ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация: В статье рассмотрены основные понятия, употребляемые в Конституции РФ применительно к физическим лицам, выделены и охарактеризованы субъекты конституционного права. Также обоснована неоднозначность толкования отдельных употребленных терминов и высказана собственная точка зрения относительно их понимания.

Ключевые слова: человек, гражданин, личность, народ, субъект конституционного права.

В конституционном праве Российской Федерации в качестве исходных понятий для определения субъектов права, являющихся физическими лицами, используются в основном две категории – «человек» и «гражданин».

Понятие «человек» появилось в юридической науке с принятием в 1789 г. французской Декларации прав и свобод человека и гражданина и призвано было подчеркнуть значение разработанной в те годы концепции свободы, равенства и естественных неотчуждаемых прав, принадлежащих всем членам общества без исключения. С тех пор оно переходило из документа в документ и к настоящему времени стало неким универсальным термином, широко применяемым как в зарубежных странах, так и в России. В нашей стране это понятие впервые появилось в правовом акте с принятием Конституции 1993 г. Объясняется это, в первую очередь, своеобразной системой власти, идеологии и соответствовавшего им законодательства, главенствовавших на территории государства на протяжении большей части двадцатого столетия. Социалистическая доктрина не допускала проявлений крайнего индивидуализма, поэтому понятия общества и гражданина как его члена были более применимыми в её рамках, чем «неколлективное» понятие «человек».

Отсутствие законодательного закрепления данного термина тем не менее не препятствовало его исследованию и дефиниции в рамках юридической науки. Человек определялся и как «разумное существо, обладающее даром мышления и речи, способное производить орудия труда и пользоваться ими в своих целях» [1, с. 68], и как «качественное своеобразие живого существа, благодаря которому оно выделяется из мира других живых существ в силу особенностей физического, телесного устройства, психической конституции и, главным образом, способности жить и разумно действовать в общественной среде» [2, с. 12]. Суть всех определений человека при этом сводилась к главному – выделить его из ряда других существ, обитающих на Земле, и признать в качестве самостоятельного мыслящего субъекта. Современные правоведы идут по тому же пути: человек рассматривается как неотъемлемая часть природы, биологический представитель живого мира, проявляющий определенное своеобразие в своих физических, физиологических и психических процессах.

В Конституции РФ понятие «человек» употребляется в таком же широком смысле, вне всяких связей конкретного лица с какими-либо дополнительными законодательно установленными признаками. Думается, что схожее значение имеет в Основном законе употребление понятий «каждый» и «лицо», которые подчеркивают, в частности, принадлежность базового набора признанных на международном уровне прав и свобод всем без исключения людям.

Иную смысловую нагрузку несет термин «гражданин», также употребляемый в действующей российской Конституции. Он ограничивает круг субъектов права необхо-

димостью наличия между конкретным физическим лицом и Российской Федерацией особого рода отношений – гражданства, подразумевающих принадлежность данного лица к данному государству, с одной стороны, и признание государством этого лица в качестве полноправного субъекта конституционно-правовых отношений, с другой стороны [3, с. 329]. Приобретение статуса российского гражданина определяется соблюдением ряда условий, установленных законодательством.

Таким образом, применение в Конституции РФ понятий «человек» и «гражданин» различно – первый термин является наиболее общим и призван характеризовать любое из существ, составляющих наше общество, второй подчеркивает политико-правовую связь индивида с конкретным государством. Неодинаковым по содержательному наполнению является и конституционно-правовой статус этих двух категорий лиц: с определенной долей условности можно утверждать, что для «человека» предусмотрен больший объем прав, в то время как для «гражданина» установлено большее количество обязанностей.

Неоднозначным с научной точки зрения является употребление в двух статьях Конституции РФ (ч. 1 ст. 21 и ст. 64) слова «личность».

Анализ указанных статей Основного закона позволяет сделать достоверный вывод о том, что его создатели отказались от использования этого понятия в том смысле, какой придавался ему советскими правоведом, строго отделявшими «личность» от просто «человека» и констатировавшими, что «человеком рождаются, а личностью становятся».

«...Личность – это индивид, сознательно определивший свое деятельное отношение к окружающему миру», – писал В. А. Кучинский. – «Чтобы родившийся человек стал личностью, он должен... не только достигнуть определенного уровня физического и умственного развития, но и приобрести необходимый социальный опыт общения с другими людьми» [4, с. 21, 27]. Схожим образом оценивал процесс формирования личности и выдающийся теоретик права Н. И. Матузов: «Человек становится личностью только благодаря обществу и своим многообразным связям с ним» [1, с. 69].

Подобное жесткое разграничение понятий «человек» и «личность» вело к тому, что отдельным категориям людей было отказано в возможности именоваться личностями. В юридической литературе советской эпохи нередки суждения о том, что личностями не являются ребенок и душевнобольной, первобытный дикарь и раб. Нельзя не согласиться с критическими замечаниями Е. А. Ануфриева по этому поводу: «Некоторые авторы, определяя личность через понятие "человек", выделяют в качестве признаков личности социальность, другие – сознательность, третьи – деятельность, четвертые – социальную активность, пятые – все это вместе взятое плюс чувства и эмоции. В итоге создаются определения, в которых с понятием личности связывается набор положительных черт, таких, например, как высокая нравственность, сознательность, ответственность, партийность и т.д. В результате неизбежно деление людей на личности и неличности, признание личностью лишь того, кто обладает определенным, чаще всего положительным комплексом свойств» [5, с. 77].

Досадным упущением в настоящее время представляется тот факт, что подобные суждения встречаются и в современной науке. Так, В. Л. Казаков понимает личность исключительно в «социализированном смысле», как «средоточие общественных отношений, как общественное существо, как итог определенного эволюционного процесса» [6, с. 7]. Некоторые учебные пособия по теории права также продолжают констатировать, что «личностью не рождаются, а становятся, и не всякий может выступать в этом качестве» [7, с. 466; 8, с. 319], при этом по-прежнему в качестве «не-личностей» называются не обладающие достаточно развитой системой знаний ребенок и дикарь, а также страдающий под гнетом хозяина раб, которому самой структурой общества отказывалось в праве быть личностью.

По мнению автора статьи, подобные суждения являются тупиковыми. Даже если понятие личности попробовать поставить в зависимость от некой психической полноценности и включенности человека в социокультурную среду, в результате всё равно

необходимо признать тот факт, что присвоение или, что более важно, неприсвоение категории «личность» не должно сказываться на основах закрепленного Конституцией правового статуса индивида, иначе это нарушало бы основные постулаты современной концепции прав человека. Любой человек должен являться носителем определенных индивидуальных интересов и притязаний, пусть и в усеченном виде. А если различие «личности» и «не-личности» не несет разницы в статусе, то каково тогда значение этого разграничения, нужно ли оно в принципе и не ведет ли его использование к определенного рода дискриминации?

Автор предлагает отказаться от такого рода суждений и в дальнейшем использовать в конституционно-правовой науке термин «личность» для обозначения конкретного индивида, рассматриваемого в совокупности его качеств как человека и гражданина. Предложенная альтернатива представляется тем более обоснованной в свете самой формулировки ст. 64 Конституции РФ, устанавливающей факт того, что положения главы «Права и свободы человека и гражданина» составляют «основы правового статуса личности в Российской Федерации». Таким образом, личность по российской Конституции – это некая максимально обобщенная по уровню абстракции категория, охватывающая всё разнообразие человеческих индивидов.

Помимо вышеупомянутых терминов, в действующей российской Конституции применительно к физическим лицам также употребляются понятия «народ» и «многонациональный народ». Особенность определения данного субъекта конституционного права состоит в том, что, как правильно указывается многими современными исследователями, «народ» в тексте Основного закона страны понимается отнюдь не как простая совокупность граждан России, а как сложная, организованная общность, «единый самостоятельный субъект, имеющий общие интересы и единую волю» [9, с. 290].

Об особой роли данного субъекта и его самостоятельном значении в конституционном праве свидетельствует специфика употребления рассматриваемого понятия в Конституции РФ. В статье 3 «многонациональный народ» назван единственным источником власти и носителем суверенитета в стране, там же прописаны формы реализации этой власти. В части 1 ст. 82 подчеркнута, что Президент России при вступлении в должность приносит присягу именно народу, что выглядит вполне логичным в свете рассмотрения народа как источника власти. Наконец, в Преамбуле Конституции применительно к термину «многонациональный народ» употреблено слово «мы», что опять же свидетельствует о некоей обособленной общности, «соединенной общей судьбой на своей земле». Весьма удачным представляется мнение Р. Г. Губенко, обращавшей внимание на то, что правосубъектность народа как особого субъекта конституционного права проистекает из самой установленной природы народовластия и носит двухуровневый характер – проявляется в «учредительных» (осуществление власти через государственные и муниципальные органы) и «конкретных» правоотношениях (непосредственное осуществление власти, в том числе путем выборов и референдумов) [10, с. 115–116].

Понятие «народ», несмотря на кажущуюся схожесть, не следует смешивать с термином «народы», также встречающимся в Конституции РФ (ч. 3 ст. 5, ч. 1 ст. 9, ч. 3 ст. 68, ст. 69). Последний, как следует из особенностей его употребления в тексте Основного закона, подразумевает более узкое понятие – некую общность людей, объединенных, к примеру, национальностью, территорией проживания, единством происхождения (так называемой «исторической родиной») и, возможно, общим языком, отличным от русского. Автор статьи полагает, что в такой трактовке понятие «народы» близко по смыслу к словам «народность» и «этнос». Народы, рассматриваемые в подобном смысле, вполне способны выступать в качестве особого, самостоятельного субъекта конституционного права, поскольку наделены специфической правосубъектностью (например, правом на самоопределение и сохранение родного языка, гарантированное созданием условий для его изучения и развития).

Наконец, еще более узким является приведенное в ст. 69 Конституции РФ понятие «коренные малочисленные народы», дефиниция которого содержится в специальном законодательстве: «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (ст. 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2009 г.) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»).

Остальные указания на физических лиц как субъектов конституционного права сводятся в Основном законе страны к упоминанию отдельных категорий населения, выделенных по тому или иному родовому признаку, например, «инвалиды и пожилые граждане» (ч. 2 ст. 7 Конституции), «мужчина и женщина» (ч. 3 ст. 19), «дети» и «родители» (ст. 38; ч. 4 ст. 43), «малоимущие» (ч. 3 ст. 40), «обвиняемый в совершении преступления» (ст. 48, 49), «потерпевший» (ст. 52) и т.д. Дефиниции всех этих понятий приведены в иных нормативных актах и, как правило, четки и ясны для понимания.

Подводя итог рассмотрению многообразия упоминания физических лиц в качестве субъектов конституционного права, следует отметить, что далеко не все употребленные в Конституции РФ термины однозначны в своем толковании, а заполнение данного пробела является одной из задач конституционно-правовой науки и отдельных её представителей.

Список литературы

1. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 294 с.
2. Мальцев, Г. В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы) / Г. В. Мальцев. – М. : Юрид. лит., 1968. – 144 с.
3. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. / М. В. Баглай. – 7-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2008. – 816 с.
4. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. – М. : Юрид. лит., 1978. – 208 с.
5. Ануфриев, Е. А. Социальный статус и активность личности (Личность как объект и субъект общественных отношений) / Е. А. Ануфриев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.
6. Казаков, В. Л. Право человека как объект защиты в правовом государстве / В. Л. Казаков // История государства и права. – 2007. – № 14. – С. 5–8.
7. Сырых, В. М. Теория государства и права : учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юридический Дом «Юстицинформ», 2004. – 704 с.
8. Ларин, А. Ю. Теория государства и права : учеб. для вузов / А. Ю. Ларин. – М. : Книжный мир, 2005. – 355 с.
9. Казьмина, Е. А. Правосубъектность народа Российской Федерации / Е. А. Казьмина // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4–2. – С. 290–292.
10. Губенко, Р. Г. Советский народ – субъект конституционных правоотношений / Р. Г. Губенко // Советское государство и право. – 1980. – № 10. – С. 115–116.

Капитонова Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права,
Пензенский государственный университет
E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Kapitonova Elena Anatol'evna

candidate of juridical sciences, associate professor,
sub-department of criminal law,
Penza State University

УДК 342.41

Капитонова, Е. А.

Физические лица как субъекты конституционного права Российской Федерации: проблемы терминологии / Е. А. Капитонова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 57–60.